

Бертольт Брехт. Мамаша Кураж и ее дети

Пьеса

Источник: Бертольт Брехт. Стихотворения. Рассказы. Пьесы.

Перевод с немецкого С.Апта. М:Художественная литература, 1972,

(Библиотека Всемирной Литературы, том 139), с.441-510 и 798-800.

Электронная версия: В.Есаулов, yes22vg@yandex.ru, 11 июня 2003 г.

Бертольт Брехт

МАМАША КУРАЖ И ЕЕ ДЕТИ

ХРОНИКА ИЗ ВРЕМЕН ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Перевод Соломона Апта, примечания Ильи Фрадкина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мамаша Кураж.

Катрин, ее немая дочь.

Эйлиф, ее старший сын.

Швейцеркас, ее младший сын.

Вербовщик.

Фельдфебель.

Повар.

Командующий.

Полковой священник.
Интендант.
Иветта Потье.
Человек с повязкой.
Другой фельдфебель.
Старый полковник.
Писарь.
Молодой солдат.
Пожилый солдат.
Крестьянин.
Крестьянка.
Молодой человек.
Старуха.
Другой крестьянин.
Другая крестьянка.
Молодой крестьянин.
Прапорщик.
Солдаты.
Голос.

1

Весна 1624 года. Главнокомандующий Оксеншерна
набирает в Даларне войско
для похода на Польшу. Маркитантка Анна Фирлинг, известная
под именем мамаша
Кураж, теряет одного сына.

На большой дороге, неподалеку от города, стоят и
мерзнут **фельдфебель** и
вербовщик.

Вербовщик. Разве здесь сколотишь отряд, фельдфебель?
Прямо хоть в петлю
полезай. До двенадцатого я должен поставить командующему
четыре эскадрона, а

людишки здесь такие зловредные, что я даже спать по ночам перестал. Заарканил было одного, не посмотрел, что у него куриная грудь и расширение вен, сделал вид, будто все в порядке, напоил его как следует, он уже и подпись поставил, стал я платить за водку, а он просится на двор. Чую, дело неладно -- и за ним. Точно, ушел, как вошь из-под ногтя. У них нет ни честного слова, ни верности, ни чувства долга. Я здесь потерял веру в человечество, фельдфебель.

Фельдфебель. Слишком давно не было здесь войны -- это сразу видно. Спрашивается: откуда же и взяться морали? Мирное время -- это сплошная безалаберщина, навести порядок может только война. В мирное время человечество растет в ботву. Людьями и скотом разбрасываются, как дерьмом. Каждый жрет, что захочет, скажем, белый хлеб с сыром, а сверху еще кусок сала. Сколько в этом вот городе молодых парней и добрых коней -- ни одна душа не знает, никто не считал. Я бывал в местах, где лет, наверно, семьдесят не воевали, так там у людей еще и фамилий-то не было, они сами себя не знали. А где война -- там тебе и списочки, и регистрация, и обувь тюками, и зерно мешками, там каждого человека, каждую скотинку возьмут на учет и заберут, Известно ведь: не будет порядка -- не развоюешься.

Вербовщик. Как это правильно!

Фельдфебель. Как все хорошее, войну начинать очень трудно. Зато уж когда разыграется -- не остановишь; люди начинают бояться мира, как игроки в кости -- конца игры. Ведь когда игра кончена, нужно подсчитывать проигрыш.

Нона первых порах война пугает людей. Она им в диковинку.

Вербовщик. Гляди, сюда едет фургон. Две бабы и два парня. Задержи

старуху, фельдфебель. Если и на этот раз пшик, я больше на апрельском ветру зябнуть не стану, так и знай.

Звуки губной гармоники. **Два молодых парня** вкатывают на сцену фургон. На нем **мамаша Кураж** и ее немая дочь **Катрин**.

Мамаша Кураж. С добрым утром, господин фельдфебель!
Фельдфебель. (становится поперек пути). С добрым утром, честная компания! Кто вы такие?

Мамаша Кураж. Деловые люди. (Поет.)

Эй, командир, дай знак привала,
Своих солдат побереги!
Успеешь в бой, пускай сначала
Пехота сменит сапоги.
И вшей кормить под гул орудий,
И жить, и превращаться в прах --
Приятней людям, если люди
Хотя бы в новых сапогах.
Эй, христиане, тает лед!
Спят мертвецы в могильной мгле.
Вставайте! Всем пора в поход,
Кто жив и дышит на земле.

Без колбасы, вина и пива
Бойцы не больно хороши.
А накорми -- забудут живо
Невзгоды тела и души.
Когда поест, попьет военный,
Ему не страшен злейший враг.
Какой дурак в огне геенны
Гореть захочет натошак!
Эй, христиане, тает лед!
Спят мертвецы в могильной мгле.
Вставайте! Всем пора в поход,
Кто жив и дышит на земле.

Фельдфебель. Стоп, обозники. Вы чьи будете?
Старший сын. Второго Финляндского полка.

Фельдфебель. Где ваши бумаги?
Мамаша Кураж. Бумаги?

Младший сын. Да это же мамаша Кураж!

Фельдфебель. В первый раз слышу. Почему ее зовут Кураж?

Мамаша Кураж. Кураж меня зовут потому, фельдфебель, что я боялась разориться и сквозь пушечный огонь вывезла из Риги пятьдесят ковриг хлеба. Хлеб уже плесневел, того и гляди совсем пропал бы, выбора у меня не было.

Фельдфебель. Шутки долой. Где бумаги?

Мамаша Кураж (вынимая из жестянки кучу бумаг и слезая с фургона). Вот все мои бумаги, фельдфебель. Вот, пожалуйста, целый требник -- огурцы завертывать, он у меня из Альтентинга, а вот карта Моравии, бог весть, случится ли мне там побывать, -- если нет, то карта нужна мне, как собаке пятая нога; а вот здесь, видите, печатью удостоверяется, что моя сивка -- не больна ящуром, она у нас, к сожалению, околела, а стоила пятнадцать гульденов, не мне, слава богу. Ну, что, довольно с вас бумаг?

Фельдфебель. Ты что, хочешь заморочить мне голову? Я тебя отучу от наглости. Ты прекрасно знаешь, что у тебя должна быть лицензия.

Мамаша Кураж. Выбирайте выражения и не говорите в присутствии моих малолетних детей, что я хочу вскружить вам голову, это неприлично, мы с вами незнакомы. Лицо порядочной женщины -- вот моя лицензия во втором полку, и я не виновата, если вы не умеете читать такие лицензии. А печать себе на лицо ставить не дам.

Вербовщик. Фельдфебель, из этой особы так и прет дух непокорности. В лагере нужна дисциплина.

Мамаша Кураж. А я думала, нужна колбаса.

Фельдфебель. Имя.

Мамаша Кураж. Анна Фирлинг.

Фельдфебель. Значит, вы все Фирлинги?

Мамаша Кураж. Почему все? Фирлинг -- это моя фамилия. Но не их.

Фельдфебель. Да ведь они же все твои дети?

Мамаша Кураж. Да, мои, но разве поэтому у них у всех должна быть одна и та же фамилия? *(Указывает на старшего сына.)* Вот этого, например, зовут Эйлиф Нойоцкий. Отец его всегда утверждал, что он Койоцкий или Мойоцкий. Мальчик его еще хорошо помнит. Впрочем, помнит он уже другого, француза с бородкой клинышком. Но вообще-то смысленостью он в отца; отец, бывало, стянет у крестьянина штаны с задницы, а тот и не заметит. Вот и получается, что у каждого из нас своя фамилия.

Фельдфебель. Что, у каждого другая?

Мамаша Кураж. Вы делаете вид, что вам непонятно.

Мамаша Кураж. Не угадали. Швейцарец.

Фельдфебель. После француза?

Мамаша Кураж. После какого француза? Не знаю, о каком французе вы говорите. Не путайте, а то мы простоим здесь до ночи. Он швейцарец, но фамилия его Фейош, и эта фамилия не имеет никакого отношения к его отцу. У того была совсем другая фамилия, он строил крепости, да вот спился.

Швейцеркас кивает головой, он сияет, немой Катрин тоже весело.

Фельдфебель. Так почему же его фамилия Фейош?

Мамаша Кураж. Не хочу вас обижать, но воображение у вас небогатое. Когда он появился на свет, я водила знакомство с одним мадьяром -- вот он и Фейош. А мадьяру было все равно, у него уже тогда была атрофия почки, хотя он капли в рот не брал. Очень честный был человек. Мальчик в него.

Фельдфебель. Да ведь он же не был его отцом!

Мамаша Кураж. Но мальчик весь в него. Я зову его Швейцеркас, Сыр Швейцарский. Он хорошо тащит фургон. *(Указывая на дочь.)* А ее зовут Катрин Гаупт, она наполовину немка.

Фельдфебель. Милое семейство, нечего сказать.

Мамаша Кураж. Да, я со своим фургоном весь мир объехала.

Фельдфебель. Это мы все запишем. (Записывает.) Ты ведь из Баварии, из Бамберга, как же ты здесь очутилась?

Мамаша Кураж. Я не могу ждать, когда война пожалует в Бамберг.

Вербовщик. Вам бы подошли имена Иаков Бык и Исав Бык, ведь вы тащите фургон. Наверно, вы никогда и не вылезаете из упряжки?

Эйлиф. Мать, можно дать ему по рылу? Мне очень хочется.

Мамаша Кураж. Нельзя, стой спокойно. А теперь, господа офицеры, не нужны ли вам хорошие пистолеты или, например, пряжки? Ваша пряжка совсем стерлась, господин фельдфебель.

Фельдфебель. Мне нужно другое. Я вижу, ребята у тебя рослые, грудь колесом, ножищи как бревна. Хотел бы я знать, почему они уклоняются от военной службы.

Мамаша Кураж (быстро). Ничего не поделаешь, фельдфебель. Ремесло солдата не для моих сыновей.

Вербовщик. А почему не для них? Ведь оно же приносит доход, приносит славу. Сбывать сапоги дело бабье. (Эйлифу.) Ну-ка, подойди, покажи, есть у тебя мускулы или ты мокрая курица.

Мамаша Кураж. Он мокрая курица. Если на него взглянуть поостроже, он упадет на месте.

Вербовщик. И если упадет на теленка, то зашибет его насмерть. (Хочет отвести Эйлифа в сторону.)

Мамаша Кураж. Оставь его в покое. Такой вам не подойдет.

Вербовщик. Он меня оскорбил, он назвал мое лицо рылом. Мы с ним сейчас отойдем в сторонку и поговорим, как мужчина с женщиной.

Эйлиф. Не беспокойся, мать. Он свое получит.

Мамаша Кураж. Стой и не рыпайся, стервец! Я тебя знаю, тебе бы только драться. У него нож в голенище, он и зарезать может.

Вербовщик. Я вытащу у него нож, как молочный зуб.
Пойдем, деточка.

Мамаша Кураж. Господин фельдфебель, я пожалуюсь полковнику. Он вас посадит. Лейтенант -- жених моей дочери.

Фельдфебель (вербовщику). Не надо силком, брат. (Мамаше Кураж.) Чем тебе не нравится военная служба? Разве отец его не был солдат? Разве он не погиб, как порядочный человек? Ты же сама сказала.

Мамаша Кураж. Он совсем еще ребенок. Вы хотите отправить его на бойню, знаю я вас. Вы за него получите пять гульденов.

Вербовщик. Сначала он получит отличную шляпу и сапоги с отворотами.

Эйлиф. Получу, да не от тебя.

Мамаша Кураж. Пойдем рыбу удить, сказал рыбак червяку. (Швейцеркасу.) Беги и кричи, что твоего брата хотят украсть. (Вынимает нож.) Ну-ка, попробуйте, возьмите его. Я вас зарежу, сволочи. Я вам покажу, какой он вам солдат. Мы честно торгуем бельем и ветчиной, мы люди мирные.

Фельдфебель. Да, по твоему ножу сразу видно, что вы за мирные люди. И вообще, совести у тебя нет. Отдай нож, шлюха! Ты ведь сама призналась, что кормишься войной, да и чем другим тебе кормиться? А какая же война без солдат?

Мамаша Кураж. Солдаты пусть будут не мои.

Фельдфебель. Пускай, значит, война твоя жрет отрывок, а яблочко выплюнет! Чтобы война раскармливала твой приплод -- это, выходит, пожалуйста, а чтобы ты платила оброк войне -- это, выходит, дудки. Пускай, мол, война сама справляется со своими делами, так, что ли? Зовешься Кураж, да? А войны, кормилицы своей, боишься? Сыновья твои ее не боятся, это я о них знаю.

Эйлиф. Я войны не боюсь.

Фельдфебель. А чего ее бояться? Поглядите на меня: разве не впрок мне

пошла солдатская жизнь? Я с семнадцати лет на службе.

Мамаша Кураж. До семидесяти тебе еще далеко.

Фельдфебель. Что ж, подожду.

Мамаша Кураж. Не пришлось бы ждать в могиле.

Фельдфебель. Ты говоришь, что я погибну, чтобы меня обидеть?

Мамаша Кураж. А вдруг это правда? А может, я вижу, что ты не жилец? А вдруг ты похож на покойника в отпуску, а?

Швейцеркас. Она ясновидящая, это все говорят. Она умеет предсказывать будущее.

Вербовщик. Ну, так предскажи будущее господину фельдфебелю. Ему, наверно, будет забавно послушать.

Фельдфебель. Вот еще, слушать всякую болтовню.

Мамаша Кураж. Дай-ка твой шлем.

Фельдфебель *(дает ей шлем)*. Все эти гаданья дерьма собачьего не стоят. Разве что смеха ради.

Мамаша Кураж *(достает лист пергамента и разрывает его на части)*. Эйлиф, Швейцеркас и Катрин, пусть и нас вот так же разорвут, если мы чересчур увлечемся войной. *(Фельдфебелю.)* В виде исключения я сделаю это для вас бесплатно. На этом клочке я нарисую черный крест. Черный крест -- смерть.

Швейцеркас. А другие обрывки -- чистые, понимаешь?

Мамаша Кураж. Теперь я их сложу и перемешаю. Все мы перемешаны уже во чреве материнском. Ну вот, тяни, узнаешь свою судьбу.

Фельдфебель медлит.

Вербовщик *(Эйлифу)*. Я не беру первого встречного, все знают, что я человек разборчивый, но ты парень с огоньком, ты мне нравишься.

Фельдфебель *(порывшись в шлеме)*. Чепуха! Жульничество, и ничего больше.

Швейцеркас. Он вытащил черный крест. Не жить ему на свете.

Вербовщик. Не робей, таких еще не было пуль, чтобы всех убивали.

Фельдфебель *(хрипло)*. Ты меня надула.

Мамаша Кураж. Сам ты себя надул в тот день, как стал солдатом. А теперь мы поехали, война бывает не каждый день, мне некогда.

Фельдфебель. Нет, в бога душу, меня ты не проведешь. Сосунка твоего мы заберем, мы из него сделаем солдата.

Эйлиф. Хочу в солдаты, мать.

Мамаша Кураж. Заткнись, обормот финляндский.

Эйлиф. Швейцеркас тоже хочет в солдаты.

Мамаша Кураж. Новое дело! Придется и вам тянуть жребий, всем троим.

(Уходит в глубь сцены и метит крестами ключья пергамента.)

Вербовщик *(Эйлифу)*. Говорят, что в шведском лагере одни святоши, но это гнусная клевета наших врагов. Поют у нас только по воскресеньям, одну строфу, и то лишь те, у кого есть голос.

Мамаша Кураж *(возвращается со шлемом фельдфебеля)*. Хотят удрать от матери, черти, рвутся на войну, как телята к соли. Вот сейчас погадаем, и они увидят, что, когда тебе говорят: "Пойдем, сынок, ты станешь офицером", -- нечего уши развешивать. Очень боюсь, фельдфебель, что они у меня не уцелеют на войне. У них ужасные характеры, у всех троих.
(Протягивает шлем Эйлифу.)
На, тyani свой жребий.

Эйлиф вынимает из шлема и разворачивает клок пергамента.

(Вырывает его у него из рук.) Ну вот тебе, крест! Ох, несчастная я мать, горемычная родительница. Неужели он погибнет? Погибнет во цвете лет? Если он станет солдатом, он не выживет, это ясно. Слишком он смелый, весь в отца. Если он не будет умником, он разделит участь всего земного, гаданье это доказывает. *(Голос ее становится властным.)* Будешь умником?

Эйлиф. А почему же нет?

Мамаша Кураж. Так вот, ты будешь умником, если останешься с матерью, и пусть они себе смеются над тобой и называют тебя мокрой курицей -- тебе наплевать.

Вербовщик. Если ты уже наложил в штаны, то лучше мне иметь дело с твоим братом.

Мамаша Кураж. Я же сказала -- тебе наплевать. Вот и плюй! А теперь тащи жребий ты, Швейцеркас. За тебя я не так боюсь, ты малый честный.

Швейцеркас роется в шлеме.

Ох, что это ты так странно смотришь на листок? Ты-то уж, конечно, вынул чистенький. Не может быть, чтоб с крестом. Тебя-то уж я не потеряю. *(Она берет листок.)* Крест? И у него тоже! Может быть, потому, что он такой простак? Ох, и ты тоже пропадешь, если не будешь вести себя честно, как ты с пеленок приучен, и, скажем, покупая хлеб, прикарманишь сдачу. Только честность может тебя спасти. Погляди-ка, фельдфебель, разве это не черный крест?

Фельдфебель. Верно, крест. Не понимаю только, почему это я вдруг вытянул крест. Я никогда не лезу вперед. *(Вербовщику.)* Она не жульничает. Своим парням она напороочила то же самое.

Швейцеркас. И мне напороочила. Но я не боюсь.

Мамаша Кураж *(Катрин)*. Теперь только за тебя я спокойна, ты сама крест: у тебя доброе сердце. *(Протягивает ей шлем, но листок вынимает сама.)* С ума сойти. Не может быть, я, наверно, ошиблась, когда перемешивала. Смотри, Катрин, не будь слишком добродушна, на твоём пути тоже крест. Веди себя тихо, тебе это нетрудно, ведь ты же немая. Ну вот, теперь вы все знаете. Будьте все осторожны, вам это нужно. А теперь -- по местам, и поехали. *(Она*

возвращает фельдфебелю шлем и взбирается на фургон.)

Вербовщик (фельдфебелю). Придумай что-нибудь.

Фельдфебель. Я плохо себя чувствую.

Вербовщик. Должно быть, ты простыл на ветру без шлема. Поторгуйся с ней. (Громко.) Ты бы хоть взглянул на пряжку, фельдфебель. Ведь эти добрые люди живут своей торговлей, разве не так? Эй, вы, фельдфебель хочет купить пряжку!

Мамаша Кураж. Полгульдена. Настоящая цена этой пряжке два гульдена. (Слезает с фургона.)

Фельдфебель. Пряжка не новая. Здесь такой ветер, надо рассмотреть ее как следует. (Берет пряжку и идет за фургон.)

Мамаша Кураж. По-моему, совсем не дует.

Фельдфебель. Может, она и стоит полгульдена, все-таки серебро.

Мамаша Кураж (идет к нему за фургон). Здесь добрых шесть унций.

Вербовщик (Эйлифу). А потом мы выпьем по стаканчику, мы ведь мужчины. Задаток у меня с собой, пойдем.

Эйлиф колеблется.

Мамаша Кураж. Так и быть, полгульдена.

Фельдфебель. Не понимаю. Я всегда стараюсь держаться позади. Фельдфебель -- уж чего безопасней? Всегда можно других послать вперед, чтобы они покрыли себя славой. Даже обедать охота пропала. Я себя знаю, теперь кусок не полезет в горло.

Мамаша Кураж. Нельзя из-за этого так убиваться, чтобы даже аппетит пропадал. Не суйся вперед, и все дела. На вот, хлебни водки, братец. (Дает ему водки.)

Вербовщик (взял Эйлифа под руку и тянет его за собой в глубь сцены).

Тебе дадут десять гульденов чистоганом, и ты герой, ты сражаешься за короля, и бабы дерутся из-за тебя. И можешь дать мне по морде за то, что я тебя оскорбил. (Оба уходят.)

Немая Катрин соскакивает с фургона и издает нечленораздельные звуки.

Мамаша Кураж. Сейчас, Катрин, сейчас. Господин фельдфебель еще не расплатился. (Пробует на зуб полгульдена.) Я люблю всякую монету проверить. Я, фельдфебель, уже нарывалась. Нет, монета в порядке. А теперь поехали дальше. Где Эйлиф?

Швейцаркас. Он ушел с вербовщиком.

Мамаша Кураж (после паузы). Эх ты, простак. (Катрин.) Я знаю, ты не можешь говорить, ты не виновата.

Фельдфебель. Хлебни-ка и ты водки, мать. Такие-то дела. Солдат -- это еще не так плохо. Ты хочешь кормиться войной, а сама со своими детьми думаешь отсидеться в сторонке?

Мамаша Кураж. Теперь придется тебе вместе с братом тащить фургон, Катрин.

Брат и сестра впрягаются в фургон и трогают с места. Мамаша Кураж идет рядом. Фургон катится дальше.

Фельдфебель (глядя им вслед).

Войною думает прожить.
За это надобно платить.

В 1625--1626 годах мамаша Кураж колесит по Польше в обозе шведской армии. Близ крепости Вальгоф она встречает своего сына. Удачная продажа каплуна и расцвет славы смельчака-сына.

Палатка командующего. Рядом с ней кухня. Слышна канонада. **Повар** торгуется с **мамашей Кураж**, которая хочет продать ему каплуна.

Повар. Шестьдесят геллеров за эту паршивенькую птичку?

Мамаша Кураж. Паршивенькая птичка? Да это же жирная скотина! Неужели этот обжора-командующий не может выложить за него каких-нибудь несчастных шестьдесят геллеров? Горе вам, если вы оставите его без обеда.

Повар. Да я на десять геллеров дюжину таких куплю угодно.

Мамаша Кураж. Что, такого каплуна вы достанете где угодно? Это в осаде-то, когда с голодухи у всех глаза на лоб скоро вылезут? Полевую крысу вы, может быть, и достанете, я говорю "может быть", потому что всех крыс сожрали и за одной голодной полевой крысой пять человек гоняется чуть ли не полдня. Пятьдесят геллеров за огромного каплуна во время осады!

Повар. Ведь не они же нас осаждают, а мы их. Мы осаждаем, вдолбите это себе в голову.

Мамаша Кураж. Но жратвы у нас тоже нет, даже еще меньше, чем у них в городе. Еще бы, они запаслись заранее. Говорят, что они там живут в свое удовольствие. А мы! Я была у крестьян, у них нет ничего.

Повар. У них есть. Они припрятывают.

Мамаша Кураж (торжествующе). У них нет ничего. Они разорены, и точка. Они положили зубы на полку. Уж я насмотрелась: корешки из земли выкопают и

едят, кожаный ремень сварят и пальчики облизывают. Вот оно как. А я отдавай каплуна за сорок геллеров!

Повар. За тридцать, а не за сорок. Я сказал: за тридцать.

Мамаша Кураж. Послушайте, это же особенный каплун. Какое это было талантливое животное! Говорят, он жрал только под музыку, у него даже был свой любимый марш. Он умел считать, такой он был смысленный. И вам жаль заплатить за него сорок геллеров? Командующий оторвет вам голову, если вы ничего не подадите на стол.

Повар. Видите, что я делаю? *(Достает кусок говядины, и готовится его разрезать.)* У меня есть кусок говядины, я его изжарю. Даю вам последний раз подумать.

Мамаша Кураж. Валяйте, жарьте. Мясо прошлогоднее.

Повар. Вчера вечером этот бык еще разгуливал, я видел его собственными глазами.

Мамаша Кураж. Значит, он уже при жизни вонял.

Повар. Ну, что ж, буду варить пять часов, жестким не будет. *(Разрезает кусок.)*

Мамаша Кураж. Положите побольше перцу, чтобы господин командующий не услышал вони.

В палатку входят командующий, полковой священник и Эйлиф.

Командующий *(похлопывая Эйлифа по плечу).* Ну, сынок, входи к своему командующему и садись по правую руку от меня. Ты совершил подвиг, ты настоящий благочестивый воин. То, что ты сделал, ты сделал во имя бога, в войне за веру, это я особенно ценю, ты получишь золотой браслет, как только я возьму город. Мы пришли спасти их души, а они что, бесовское, грязное мужичье! Они угоняют от нас скот! Зато попов своих они кормят до отвала. Но

ты им дал урок хорошего поведения. Я налью тебе кружку красного, и мы с тобой выпьем. (Пьют.) Священнику не дадим ни хрена, он у нас святоша. А чего бы ты хотел на обед, душа моя?

Эйлиф. От куска мяса я бы не отказался.

Командующий. Повар, мяса!

Повар. И он еще приводит гостей, когда и так есть нечего.

Мамаша Кураж знаком велит ему замолчать, потому что она прислушивается к разговору в палатке.

Эйлиф. Повозишься с крестьянами, поколотишь их -- и сразу есть хочется.

Мамаша Кураж. Иисусе, это же мой Эйлиф!

Повар. Кто?

Мамаша Кураж. Мой старший. Два года я его не видала. У меня украли его на дороге. Он здесь, видно, в большом фаворе, если сам командующий приглашает его на обед, а что у тебя за обед? Дерьмо! Ты слышал, чего пожелал гость: мяса! Послушай меня, забирай каплуна, он стоит один гульден.

Командующий (садится за стол с Эйлифом и полковым священником, орет).

Тащи обед, Ламб, не то убью тебя, чертов повар!

Повар. Давай сюда, черт с тобой, вымогательница.

Мамаша Кураж. А я думала, это паршивенькая птичка.

Повар. Черт с ней, давай ее сюда, цена твоя бешеная, пятьдесят геллеров.

Мамаша Кураж. Я сказала: один гульден. Для моего старшего, для дорогого гостя господина командующего, мне ничего не жаль.

Повар (дает ей деньги). Ну так ощирай его хотя бы, пока я разведу огонь.

Мамаша Кураж (садится, ощипывает каплуна). Хотела бы я знать, какое он сделает лицо, когда меня увидит. Это мой смелый и умный сын. У меня есть еще

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

и дурачок, но дурачок честный. Дочь -- пустое место.
Но она, по крайней мере, молчит, это уже кое-что.

Командующий. Выпей еще, сынок, это мое любимое фалернское, у меня осталась еще одна бочка, самое большее -- две, но мне его не жалко, когда я вижу, что есть еще у моих ребят настоящая вера. А пастырь пускай опять на нас посмотрит, он только проповедует, а как дело делается, он не знает. Ну, а теперь, Эйлиф, сын мой, доложи нам подробнее, как ты перехитрил крестьян и захватил двадцать волов. Надеюсь, они скоро будут здесь.

Эйлиф. Через день, на худой конец -- через два.

Мамаша Кураж. Какая предусмотрительность со стороны моего Эйлифа: волов пригонят только завтра. А то бы вы на моего каплуна и смотреть не стали.

Эйлиф. Значит, дело было так. Я узнал, что крестьяне тайком, по ночам, стогняют в одно место волов, которых они от нас прятали по всему лесу. Оттуда волов должны были погнать в город. Я не стал мешать крестьянам. Пускай, думаю, стогняют своих волов, им легче искать их в лесу, чем мне. А людей своих я довел до того, что они только о мясе и думали. Два дня я урезал и без того скудный паек. У них слюнки текли, когда они слышали какое-нибудь слово на "м", например "мята".

Командующий. Ты поступил умно.

Эйлиф. Возможно. Все остальное уже мелочи. Разве только вот, что у крестьян были дубинки и их было втрое больше, чем нас. Они зверски на нас напали. Четверо мужиков загнали меня в кустарник, вышибли у меня меч из рук и кричат: "Сдавайся!" Что делать, думаю, они же сделают из меня фарш.

Командующий. Как же ты поступил?

Эйлиф. Я стал смеяться.

Командующий. Что-что?

Эйлиф. Стал смеяться. Завязался разговор. Я давай торговаться. Двадцать

гульденов за вола, говорю, это мне не по карману.
Предлагаю пятнадцать. Как будто я собираюсь платить. Они в замешательстве, чешут затылки. Тут я наклоняюсь, хватаю свой меч и рублю мужиков на мелкие части. В нужде побудешь -- заповедь забудешь, правда?

Командующий. А ты что на это скажешь, пастырь?

Полковой священник. Строго говоря, таких слов в Библии нет, но господу богу ничего не стоило из пяти хлебов сделать пятьсот, так что и нужды, собственно говоря, не было, и он вполне мог требовать любви к ближнему; еще бы, все были сыты. Сейчас времена не те.

Командующий (смеется). Совсем не те. Так и быть, на этот раз дадим хлебнуть и тебе, фарисей. (Эйлифу.) Значит, ты их изрубил. Ну что ж, ты поступил правильно, моим храбрым солдатам будет что пожевать. Разве не сказано в Писании: "Что сотворил ты самому ничтожному из братьев моих, то ты мне сотворил"? А что ты им сотворил? Ты устроил им отличный обед из говядины, ведь они же не привыкли есть хлеб с плесенью. Прежде, бывало, они сперва наливали в шлем вино и крошили в него булочки, а уж потом шли в бой за веру.

Эйлиф. Да, я тут же наклонился, схватил свой меч и изрубил их на мелкие части.

Командующий. В тебе сидит молодой цезарь. Тебе бы увидеть короля.

Эйлиф. Я его видел издали. В нем есть что-то светлое. Мне хочется во всем подражать ему.

Командующий. У тебя уже есть какое-то сходство с ним. Я ценю таких солдат, как ты, Эйлиф, храбрых, мужественных. Они для меня как родные дети.

(Ведет Эйлифа к карте.) Ознакомься с обстановкой, Эйлиф, тут еще много сил придется положить.

Мамаша Кураж (*она слышала разговор в палатке и теперь ошипывает каплуна со злостью*). Это, наверно, очень плохой командующий.

Повар. Прожорливый -- верно, но почему плохой?

Мамаша Кураж. Потому что ему нужны храбрые солдаты, вот почему. Если у него хватает ума на хороший план разгрома врага, то зачем ему непременно храбрые солдаты? Обошелся бы и обыкновенными. Вообще, когда в ход идут высокие добродетели -- значит, дело дрянь.

Повар. А я думал, это хороший знак.

Мамаша Кураж. Нет, плохой. Если какой-нибудь командующий или король -- дурак набитый и ведет своих людей прямо в навозную кучу, то тут, конечно, нужно, чтобы люди не боялись смерти, а это как-никак добродетель. Если он скряга и набирает слишком мало солдат, то солдаты должны быть сплошными геркулесами. А если он бездельник и не хочет ломать себе голову, тогда они должны быть мудрыми как змеи, иначе им крышка. И верность нужна ему тоже какая-то особая, потому что он всегда требует от них слишком много. Одним словом, сплошные добродетели, которые в порядочной стране, при хорошем короле или главнокомандующем, никому не нужны. В хорошей стране добродетели ни к чему, там можно быть обыкновенными людьми, не шибко умными и, по мне, даже трусами.

Командующий. Готов об заклад биться -- твой отец был солдат.

Эйлиф. Еще какой, говорят. Мать меня поэтому всегда предостерегала... Я знаю одну песню.

Командующий. Спой нам! (*Орет.*) Скоро будет обед?

Эйлиф. Она называется: "Песня о солдате и бабе".
(*Поет, отплясывая военный танец с саблей в руке.*)

Одних убьет ружье, других проткнет копье.
А дно речное -- чем не могила?

Опасен лед весной, останься со мной --
Солдату жена говорила.
Но гром барабана и грохот войны
Солдату милее, чем речи жены.
Походной понюхаем пыли!
Мы будем шагать за верстою версту,
Копье мы сумеем поймать на лету --
Солдаты в ответ говорили.

Дают совет благой -- ты вникни, дорогой,
Не в удали, а в мудрости -- сила.
На всех и вся плевать -- добра не видать --
Солдату жена говорила.
Мы бабам не верим -- трусливый народ.
Река на пути -- перейдем ее вброд,
Мундиры отмоем от пыли.
Когда загорится над крышей звезда,
Твой муж возвратится к тебе навсегда --
Солдаты жене говорили.

Мамаша Кураж (*подхватывает в кухне песню, отбивая такт ложкой по горшку*).

Ах, подвиги его не греют никого,
От подвигов нам радости мало.
Пропал мой муженек, храни его бог --
Жена про солдата сказала.

Эйлиф. Это что такое?
Мамаша Кураж (*продолжает петь*).

В мундире, с копьем неразлучным в руке
Солдат угодил в быстрину на реке,
И льдины его подхватили.
Над самую крышей горела звезда,
Но что же, но что же, но что же тогда
Солдаты жене говорили?

Ах, подвиги его не грели никого,
И дно речное -- та же могила.
На всех и вся плевать -- добра не видать --
Солдату жена говорила.

Командующий. Они у меня на кухне совсем
распоясались!

Эйлиф (идет в кухню. Обнимает мать). Вот так встреча! А где остальные?

Мамаша Кураж (в объятьях сына). Все живы-здоровы. Швейцерак теперь казначей Второго Финляндского. Хоть в бой-то у меня его не пошлют. Совсем удержать его в стороне никак не удалось.

Эйлиф. А как твои ноги?

Мамаша Кураж. По утрам через силу надеваю ботинки.

Командующий (подходит к ним). Ты, стало быть, его мать. Надеюсь, у тебя найдутся для меня еще сыновья такие, как этот.

Эйлиф. Ну разве мне не везет! Ты сидишь здесь в кухне и слышишь, как привечают твоего сына!

Мамаша Кураж. Да, я слышала. (Дает ему пощечину.)

Эйлиф (хватается за щеку). Это за то, что я захватил волов?

Мамаша Кураж. Нет, это за то, что ты не сдался, когда на тебя напали четверо и хотели сделать из тебя фарш! Разве я не учила тебя думать о себе? Эх ты, обормот финляндский!

Командующий и полковой священник смеются, стоя в дверях.

3

Еще через три года мамаша Кураж вместе с остатками Финляндского полка попадает в плен. Ей удается спасти дочь и фургон, но ее честный сын погибает.

Бивак. Вторая половина дня. На шесте -- полковое знамя. Между фургоном, обильно увешанным разнообразными товарами, и огромной пушкой протянута

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

веревка. **Мамаша Кураж** снимает с веревки белье и вместе с **Катрин** складывает его на лафете. Одновременно она торгуется с **интендантом** из-за мешка пуль.

Швейцеркас, в форме военного казначея, наблюдает за ними.

Красивая особа по имени **Иветта Потье** что-то пришивает к пестрой шляпке. Перед ней стакан водки. Она в чулках. Ее красные туфельки на каблучках стоят рядом.

Интендант. Я отдам вам мешок с пулями за два гульдена. Это дешево, но мне нужны деньги, потому что полковник уже два дня пьет с офицерами, и весь ликер вышел.

Мамаша Кураж. Это боеприпасы. Если у меня их найдут, меня будет судить военно-полевой суд. Вы продаете пули, негодяи, а солдатам нечем стрелять по врагу.

Интендант. Помилосердствуйте, рука руку моет.

Мамаша Кураж. Военного имущества я не беру. По такой цене.

Интендант. Вы сегодня же вечером можете тихонько продать этот мешок интенданту четвертого за пять гульденов, даже за восемь, если дадите ему расписку на двенадцать. У него вообще не осталось боеприпасов.

Мамаша Кураж. Почему же вы сами ему не продадите?

Интендант. Потому что я ему не доверяю, мы с ним приятели.

Мамаша Кураж (берет мешок). Ну, давай. (Катрин.) Снеси мешок и уплати ему полтора гульдена. (В ответ на протест интенданта.) Я сказала, полтора гульдена.

Катрин уносит мешок в глубь сцены, интендант идет за ней.

(Швейцеркасу.) Вот, получай свои подштанники. Смотри береги их, уже октябрь на дворе, того и гляди, может наступить осень, я сознательно говорю

"может", а не "должна", я уже поняла, что ни на что нельзя полагаться, даже на времена года. Но что бы ни стряслось, твоя полковая касса должна быть в порядке. Касса в порядке?

Швейцеркас. В порядке, мать.

Мамаша Кураж. Помни, казначеем тебя назначили потому, что ты честен и не так смел, как твой брат. А главное -- потому, что ты простак. Тебе-то уж не придет в голову улизнуть с кассой. Это меня успокаивает. Смотри же, не потеряй подштанники.

Швейцеркас. Не потеряю, мать, я спрячу их под матрац. *(Хочет уйти.)*

Интендант. Пойдем вместе, казначей.

Мамаша Кураж. Только не учите его своим штучкам.

Интендант, не прощаясь, уходит с Швейцеркасом.

Иветта *(им вдогонку)*. Мог бы и попрощаться, интендант!

Мамаша Кураж *(Иветте)*. Не люблю, когда они вместе. Это плохая компания для моего Швейцеркаса. А война разворачивается на славу. Она, как миленькая, протянется еще лет пять, прежде чем все страны в нее ввяжутся. Немножко дальновидности, немножко осторожности, и дела мои пойдут будь здоров. Ты что, не знаешь, что с твоей болезнью нельзя пить натошак?

Иветта. Кто сказал, что я больна. Это клевета.

Мамаша Кураж. Все говорят.

Иветта. Все врут. Мамаша Кураж, я в полном отчаянии, ведь из-за этого вранья все воротят от меня нос, как от тухлятины. И зачем только я вожусь со своей шляпкой? *(Бросает в сердцах шляпку.)* Вот я и пью с утра, раньше я так не делала, от этого появляются морщины, но теперь мне все равно. Во втором Финляндском меня все знают. Лучше бы я осталась дома, когда мой первый меня бросил. Нашему брату гордость не пристала. Не научишься глотать дерьмо -- не

Бертольт Брехт
пробьешься.

"Мамаша Кураж и ее дети"

Мамаша Кураж. Сейчас опять начнется все сначала -- какой был Питер да как это случилось. Пощади хоть мою невинную дочь.

Иветта. Ей как раз полезно послушать, будет закалена, любовь ее не проймет.

Мамаша Кураж. Тут женщине никакая закалка не поможет.

Иветта. Я все равно расскажу, потому что мне от этого становится легче. Начну с того, что я выросла в прекрасной Фландрии. Ведь иначе я с ним и не встретила бы и не торчала бы сейчас в Польше, потому что он был военный повар, блондин, голландец, но худой. Катрин, берегись худых, а я этого тогда не знала еще, и не знала я, что у него уже тогда была другая и что его уже вообще называли "Питер с трубкой", потому что даже во время этого самого он не вынимал изо рта трубки, такой это был для него пустяк. (Поет "Песню о братании".)

Семнадцать лет мне было,
Наш город пал весной.
Вполне миролюбиво
Противник вел себя со мной.
На утренней заре
Полк строился в каре,
И трепетало все кругом.
А с наступленьем темноты
В лесу, где травка и кусты,
Братались мы с врагом.
Моим врагом был повар,
Но вот в чем вся беда:
Он был мне ненавистен
Лишь днем, а ночью -- никогда.
Ведь утром, на заре,
Полк строился в каре,
И трепетало все кругом.
А с наступленьем темноты
В лесу, где травка и кусты,
Братались мы с врагом.
Сильней людских законов

Любви святая власть.
Внушал мне неприятель,
Увы, не ненависть, а страсть.
Однажды на заре
В холодном октябре
Все полетело кувырком.
Под барабанный дробный бой
С полком ушел мой дорогой,
Расстались мы с врагом...

На свое несчастье, я поехала его догонять.
Нигде я его так и не
встретила, вот уже пять лет прошло. (*Шатаюсь, уходит за
фургон.*)

Мамаша Кураж. Подняла бы свою шляпку.

Иветта. Пусть берет кто хочет.

Мамаша Кураж. Вот тебе урок, Катрин. Не заводи
шашни с солдатъем.
Любовь во власти высших сил, имей в виду. Даже и с
теми, кто не в армии,
любовь -- не сахар. Сначала он говорит, что готов
целовать следы твоих
ног, -- кстати, ты их помыла вчера? -- а потом ты
становишься его служанкой.
Твое счастье, что ты немая, тебе не нужно отказываться
от своих слов и не
нужно проклинать свой язык за то, что он сказал
правду. Немота -- это дар
божий. А вот и повар командующего, что ему здесь надо?

Входят повар и полковой священник.

Полковой священник. Я к вам по поручению вашего
сына Эйлифа, а повар
увязался со мной, вы на него произвели впечатление.

Повар. Я пошел с ним, чтобы подышать свежим
воздухом.

Мамаша Кураж. Можете дышать сколько угодно, если
будете вести себя
прилично. А если нет, то все равно я с вами
справлюсь. Что ему от меня
нужно? Лишних денег у меня нет.

Полковой священник. Я должен переговорить,
собственно, с его братом, с
господином казначеем.

Мамаша Кураж. Его здесь нет, и вообще нигде его нет. Швейцеркас своему брату не казначей. И нечего ему вводить брата в соблазн и впутывать его в нехорошие дела. *(Дает полковому священнику деньги из сумки, которая висит у нее на плече.)* Передайте ему вот это. Грешно спекулировать на материнской любви, постыдился бы.

Повар. Скоро это кончится, он уйдет с полком. Кто знает, может быть, на смерть. Лучше прибавьте, а то будете потом раскаиваться. Вы, бабы, сначала упрямитесь, а потом каетесь. Стаканчик водки -- это же пустяк, но, когда он нужен, вы его не поднесете, а потом, глядишь, лежит себе человек под зеленой травкой, и вы его уже оттуда не выкопаете.

Полковой священник. Не надо расстраиваться, повар. Погибнуть на войне -- это счастье, а не неприятность. Это же священная война. Не обычная война, а особая, во имя веры, и, значит, богоугодная.

Повар. Это верно. С одной стороны, это война, где жгут, режут, грабят да и насилуют помаленечку, но, с другой стороны, она отличается от всех других войн тем, что ведется во имя веры, это ясно. Но вы должны признать, что и на такой войне человеку хочется промочить горло.

Полковой священник *(мамаше Кураж, указывая на повара)*. Я пытался его удержать, но он говорит, что вы его обворожили, он бредит вами.

Повар *(раскуривает маленькую трубку)*. Ничего дурного не было у меня на уме. Мне хотелось получить стаканчик водки из прекрасных рук -- только и всего. Но я уже и за это наказан: всю дорогу священник отпускал такие шуточки, что я, наверно, и сейчас краснею.

Мамаша Кураж. Это в пасторском-то одеянии! Придется дать вам выпить, а то вы еще, чего доброго, со скуки пристанете ко мне с гнусными предложениями.

Полковой священник. Это искушение, как говорил один придворный священник, когда не мог устоять. (На ходу, оборачиваясь к Катрин.) А это что за привлекательная особа?

Мамаша Кураж. Это не привлекательная особа, а порядочная девушка.

Полковой священник и повар уходят с мамашей Кураж за фургон. Катрин смотрит им вслед, потом оставляет белье и подходит к шляпке. Она поднимает ее, надевает, садится и обувается в красные туфельки. Слышно, как за фургоном мамаша Кураж рассуждает о политике с полковым священником и товаром.

Этим полякам, которые живут здесь, в Польше, нечего было вмешиваться. Что правда, то правда, король наш вторгся к ним с пехотой и конницей. Но вместо того, чтобы сохранять мир, поляки вмешались в свои собственные дела и напали на короля, хотя он их не трогал. И значит, это они нарушили мир, и вся кровь падет на их голову.

Полковой священник. Наш король заботился только о свободе. Император всех угнетал -- и поляков и немцев. И король обязан был их освободить.

Повар. Верно, водка у вас отменная, ваше лицо меня не обмануло, а что касается короля, то свобода, которую он хотел ввести в Германии, влетела ему в копеечку. В Швеции он ввел налог на соль, а это, как я сказал, беднякам влетело в копеечку. Потом у него было еще много хлопот с немцами. Нужно было сажать их за решетку и четвертовать, потому что они привыкли быть рабами у императора. Еще бы, с теми, кто не хотел быть свободным, король намаялся. Сначала он хотел защитить от злодеев, особенно от императора, только Польшу,

но во время еды аппетит разгорелся, и он защитил всю Германию. А она давай сопротивляться. Так что добрый король получил одни неприятности в награду за доброту и расходы, а расходы ему, конечно, пришлось покрывать налогами, это вызвало недовольство, но он на это плевал. На его стороне было как-никак слово божие. А то бы еще пошли толки, будто он делает все это из корысти. Так что совесть у него всегда была чиста, а для него это главное.

Мамаша Кураж. Сразу видно, что вы не швед, а то вы бы не стали так говорить о короле-герое.

Полковой священник. В конце концов, вы едите его хлеб.

Повар. Я не ем его хлеб, а пеку ему хлеб.

Мамаша Кураж. Победить его нельзя, нет, его народ верит в него.

(Серьезно.) Послушать больших начальников, так они воют только из страха божия, за доброе и прекрасное дело. А присмотришься -- они совсем- не такие дураки, и воют они ради выгоды. Да и маленькие люди, вроде меня, не стали бы иначе в этом участвовать.

Повар. Точно.

Полковой священник. Вам, как голландцу, надо бы, находясь в Польше, сначала посмотреть, какой флаг здесь развевается, а уж потом высказывать свое мнение.

Мамаша Кураж. Мы здесь все, слава богу, евангелической веры. Будем здоровы!

Надев шляпку, Катрин подражает кокетливой походке Иветты. Внезапно раздаются канонада и ружейные выстрелы. Барабанный бой.

Мамаша Кураж, повар

и **полковой священник** выбегают из-за фургона, у обоих мужчин еще стаканы в руках. Появляются **интендант** и **солдат**. Они бросаются к пушке и пытаются оттащить ее в сторону.

В чем дело? Дайте мне сначала убрать белье, болваны. *(Пытается спасти свое белье.)*

Интендант. Католики! Внезапное нападение. Вряд ли успеем уйти.

(Солдату.) Убери отсюда оружие! *(Убегает.)*

Повар. Бог ты мой, мне нужно к командующему. Кураж, я на днях снова приду, и мы побеседуем! *(Бросается прочь.)*

Мамаша Кураж. Пойдите, вы забыли, трубку.

Повар *(издалека)*. Сохраните ее! Она мне понадобится.

Мамаша Кураж. Надо же, как раз тогда, когда у нас пошли заработки.

Полковой священник. Да, пойду-ка и я. Конечно, когда враг так близко, это опасно. Блаженны миролюбивые -- вот правило войны. Если бы мне накинуть плащ...

Мамаша Кураж. Я не даю плащей напрокат, даже если дело идет о жизни и смерти. Я уже обожглась на этом.

Полковой священник. Но ведь моя вера подвергает меня особой опасности.

Мамаша Кураж *(достает ему плащ)*. Я поступаю против своей совести. Бегите уж.

Полковой священник. Покорнейше благодарю, вы очень великодушны, но, может быть, лучше мне посидеть здесь, я, пожалуй, вызвал бы подозрение и привлек бы к себе внимание врага, если бы пустился бежать.

Мамаша Кураж *(солдату)*. Оставь пушку в покое, осел, кто тебе за это заплатит? Я приму ее у тебя на хранение, ты же из-за нее погибнешь.

Солдат *(убегая)*. Вы подтвердите, я пытался...

Мамаша Кураж. Подтвержу, клянусь тебе. *(Замечает дочь в шляпке.)* Ты зачем надела шляпку, ты что, шлюха? Сейчас же долой ее, ты совсем спятила?

Это когда враг на пороге! *(Срывает шляпу с головы Катрин.)* Хочешь, чтобы они

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

заметили тебя и сделали потаскухой? И туфли она тоже надела, эта блудница вавилонская! К черту туфли! (Хочет разуть ее.) Иисусе, помоги мне, господин священник, заставьте ее разуться. Я сейчас вернусь. (Бежит к фургону.)

Иветта (входит, пудрясь). Как вам это понравится, католики наступают? Где моя шляпа? Кто ее истоптал? Ведь не могу же я оставаться в таком виде, когда вот-вот придут католики. Что они обо мне подумают? Зеркала у меня тоже нет. (Священнику.) Как я выгляжу? Не слишком ли много пудры?

Полковой священник. Нет, как раз в меру.

Иветта. А где красные башмаки? (Не находит их, потому что Катрин прячет ноги под юбку.) Я оставила их здесь. Придется мне идти в свою палатку. Босиком! Позор! (Уходит.)

Вбегает Швейцеркас с маленькой шкатулкой в руках.

Мамаша Кураж (возвращается с полными пригоршнями золы. Катрин). Вот зола. (Швейцеркасу.) Что это ты тащишь?

Швейцеркас. Полковую кассу.

Мамаша Кураж. Брось ее! Отказачеился.

Швейцеркас. Мне ее доверили. (Идет в глубь сцены.)

Мамаша Кураж (полковому священнику). Сними-ка лучше пасторский сюртук, священник, а то и плащ не поможет. (Мажет золой лицо Катрин.) Стой спокойно. Вот так, немного грязи, и ты вне опасности. Вот несчастье! Во всем сторожевом охранении не было ни одного трезвого. Теперь знай зарывай свой талант в землю. Солдат, особенно католик, и чистое личико -- и сразу на свете одной потаскухой больше. По целым неделям они ходят не жравши, а уж когда нажрут, награбив, то на баб просто кидаются. Ну, теперь сойдет. Покажись-ка. Неплохо. Как будто в грязи вывалялась. Не дрожи. Теперь ничего

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

с тобой не случится. (Швейцеркасу.) Куда ты дел свою кассу?

Швейцеркас. Я спрятал ее в фургоне, а что?

Мамаша Кураж (возмущенно). Что, в моем фургоне? Какая богопреступная глупость! Отвернуться не успела -- и на тебе. Да они же повесят нас, всех троих!

Швейцеркас. Ну так я спрячу ее в другое место или убегу с ней!

Мамаша Кураж. Ты останешься здесь, теперь уже поздно.

Полковой священник (он переодевается в глубине сцены). Знамя, ради бога, знамя!

Мамаша Кураж (снимает полковое знамя). Матка бозка! Оно мне уже примелькалось. Двадцать пять лет оно у меня.

Канонада становится громче.

Утро, три дня спустя. Пушки нет. Мамаша Кураж, Катрин, полковой священник и Швейцеркас завтракают. Вид у всех озабоченный.

Швейцеркас. Третий день уже я здесь бездельничаю, и господин фельдфебель, -- он всегда был добр ко мне, -- господин фельдфебель, наверно, спрашивает, куда же это наш Швейцеркас делся с солдатским жалованьем?

Мамаша Кураж. Радуйся, что на твой след не напали.

Полковой священник. А я что? Я тоже не могу отслужить здесь молебен, потому что боюсь. Сказано: чем сердце полно, о том и язык глаголет, но беда мне, если он у меня возглаголет!

Мамаша Кураж. Такие-то дела! Один навязал мне на шею свою веру, а другой -- свою кассу. Не знаю, что опаснее.

Полковой священник. Теперь мы воистину в руках божьих.

Мамаша Кураж. Не думаю, что наши дела уж так плохи, но по ночам я

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

все-таки не могу уснуть. Без тебя, Швейцеркас, было бы легче. Я, кажется, с ними уже поладила. Я им сказала, что я против антихриста-шведа, у него, дескать, рожки, я сама видела -- левый рожок немножко стерся. Во время допроса я вставила словечко насчет свечей для мессы; где бы их закупить по сходной цене? У меня это хорошо получилось, потому что отец Швейцеркаса был католик и он любил острить насчет свечей. Они мне не очень-то верят, но у них в полку нет маркитантов. Поэтому они смотрят на меня сквозь пальцы.

Полковой священник. Молоко хорошее. А что касается количества, то нам придется умерить наши шведские аппетиты. Мы все-таки побеждены.

Мамаша Кураж. Кто побежден? Победы и поражения больших начальников совпадают с победами и поражениями маленьких людей, далеко не всегда. Бывает даже, что поражение выгодно маленьким людям. Только что честь потеряна, а все остальное в порядке. В Лифляндии, помню, враг так всыпал нашему командующему, что мне в суматохе досталась даже лошадка из обоза. Целых семь месяцев она возила мой фургон, а потом мы победили, и началась ревизия. А в общем, можно сказать, что нам, людям простым, и победы и поражения обходятся дорого. Для нас лучше всего, когда политика топчется на месте.
(Швейцеркасу.) Ешь!

Швейцеркас. Мне кусок в рот не идет. Как же фельдфебель будет выплачивать жалованье солдатам?

Мамаша Кураж. Когда удирают, какое уж тут жалованье.

Швейцеркас. Все равно, это их право. Бесплатно им незачем удирать. Они и шагу не обязаны делать бесплатно.

Мамаша Кураж. Швейцеркас, твоя добросовестность меня почти пугает. Я учила тебя быть честным, ведь умом ты не блещешь, но и честность имеет свои

границы. А теперь мы со священником пойдем покупать католическое мяса и мясо. Никто так не умеет выбирать мясо, как он. Он это делает безошибочно, как лунатик. Я думаю, он определяет лучшие куски по тому, что при виде их у него слюнки текут. Слава богу, что они разрешают мне торговать. У торговца спрашивают не о вере, а о цене. А лютеранские штаны тоже греют.

Полковой священник. Когда кто-то сказал, что лютеране все опрокинут вверх дном -- и город и деревню, один нищенствующий монах на это ответил: ничего, нищие всегда будут нужны.

Мамаша Кураж исчезает в фургоне.

Из-за шкатулки ей все-таки беспокойно. До сих пор на нас не обращали внимания, словно мы все состоим при фургоне, но долго ли так будет?

Швейцераас. Я могу ее унести.

Полковой священник. Это, пожалуй, еще опаснее. Вдруг кто увидит! У них шпиков хватает. Вчера утром один появился передо мной прямо из канавы, когда я справлял там нужду. Я от испуга чуть молитву не сотворил. Молитва бы меня выдала. Они чуть ли не испражнения готовы нюхать, чтобы по запаху распознать лютеранина. Этот шпик -- маленький такой заморыш с повязкой на глазу.

Мамаша Кураж *(вылезая из фургона с корзинкой в руках)*. Что я нашла, бесстыдница ты этакая! *(Она торжествующе поднимает вверх красные туфельки.)*

Красные туфельки Иветты! Она их преспокойно присвоила. Потому что вы внушили ей, что она привлекательная особа. *(Кладет туфельки в корзинку.)* Я возвращу их. Украсть у Иветты туфли! Та губит себя за деньги, это я понимаю. А ты хочешь погубить себя даром, удовольствия ради. Я уже говорила тебе: нужно

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

подождать, пока подпишут мир. Только не за солдата!
Дождись мира, а потом уж
воображай о себе!

Полковой священник. По-моему, она не воображает.

Мамаша Кураж. Еще как воображает! Пускай лучше
будет незаметна, как
камень в Даларне, где одни камни, и пусть люди
говорят: "Этой убогой не
видно, не слышно". Зато с ней ничего не случится.
(Швейцеркасу.) Не трогай
шкатулку, слышишь? И следи за своей сестрой, за ней
нужно следить. Вы меня
совсем в гроб загоните. Лучше стадо блох пасти, чем с
вами возиться. (Уходит
с полковым священником.)

Катрин убирает посуду.

Швейцеркас. Скоро уже нельзя будет сидеть на солнце
в одной рубашке.

Катрин указывает на дерево.

Да, листья уже желтые.

Катрин жестами спрашивает его, не хочет ли он
выпить.

Нет, я не хочу пить. Я думаю.

Пауза.

Она говорит, что потеряла сон. Надо бы мне все-таки
убрать шкатулку, я
нашел для нее тайник. Налей-ка мне, пожалуй, стаканчик.

Катрин уходит за фургон.

Я спрячу ее в кротовую нору у реки, а потом я ее
возьму оттуда. Может
быть, уже сегодня ночью, к утру поближе, я ее оттуда
возьму и доставлю в
полк. За три дня им далеко не убежать. Господин
фельдфебель вытарашит глаза

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

от изумления. "Ты меня приятно удивил, Швейцеркас, -- вот что он скажет.-- Я доверил тебе кассу, и ты ее возвращаешь".

Выйдя из-за фургона с наполненным стаканом, Катрин видит перед собой **двух мужчин**. Один из них в мундире фельдфебеля. Другой учтиво размахивает перед ней шляпой. На одном глазу у него повязка.

Человек с повязкой. Здравствуйте, милая барышня! Не видали ли вы здесь парня из ставки Второго Финляндского?

Перепуганная Катрин бежит к просцениуму, расплескав водку. Заметив Швейцеркаса, незнакомцы переглядываются и удаляются.

Швейцеркас (*выйдя из раздумья*). Половину ты расплескала. Что ты кривляешься? Глаз ушибла, что ли? Не понимаю я тебя. Мне нужно уйти, так я решил, это самое лучшее. (*Он встает. Катрин всячески старается предупредить его об опасности. Он отмахивается от нее.*) Хотел бы я знать, что у тебя на уме. Конечно, на уме у тебя только добро, бедняжка, да вот сказать ты не можешь. Ничего, что ты расплескала водку, выпью еще не один стаканчик, на этом свет клином не сошелся. (*Достает из фургона шкатулку и прячет ее за пазуху.*) Я сейчас вернусь. Нет, ты меня не задерживай, а то я рассержусь. Конечно, на уме у тебя только добро. Если бы ты могла говорить...

Катрин хочет его задержать, но Швейцеркас целует ее, вырывается и уходит.

Катрин в отчаянии бегает взад-вперед, издавая тихие нечленораздельные звуки. Возвращаются **полковой священник** и **мамаша Кураж**. Катрин бросается к матери.

Мамаша Кураж. В чем дело, в чем дело? Ты сама не своя. Тебя кто-нибудь обидел? Где Швейцеркас? Расскажи мне все толком, Катрин. Твоя мать понимает тебя. Что, этот балбес все-таки взял шкатулку? Я запущу шкатулкой ему в морду, прохвосту. Успокойся, перестань верещать, покажи руками, я не люблю, когда ты скулишь, как собака, что подумает священник? Он же от страха с ума сойдет. Здесь был одноглазый?

Полковой священник. Одноглазый -- это шпик, Они взяли Швейцеркаса?

Катрин трясет головой, пожимает плечами.

Мы пропали.

Мамаша Кураж (*извлекает из корзинки католическое знамя, полковой священник прикрепляет его к флагштоку*). Поднимите новое знамя!

Полковой священник (*с горечью*). Мы здесь все, слава богу, католической веры.

В глубине сцены раздаются голоса. Фельдфебель и одноглазый приводят Швейцеркаса.

Швейцеркас. Пустите меня, у меня нет ничего. Не выкручивай мне руки, я ни в чем не виновен.

Фельдфебель. Это все одна компания. Вы друг друга знаете.

Мамаша Кураж. Мы? Откуда?

Швейцеркас. Я их не знаю. Откуда мне знать, кто это, мне до них дела нет. Я обедал у них, заплатил десять геллеров. Возможно, что вы меня здесь тогда и видели, а обед они пересолили.

Фельдфебель. Кто вы такие, а?

Мамаша Кураж. Мы порядочные люди. Это правда, он у нас обедал за деньги. Он нашел, что еду мы пересолили.

Фельдфебель. Значит, вы делаете вид, будто его не знаете?

Мамаша Кураж. Откуда мне его знать? Я не могу всех знать. Я не могу каждого спрашивать, как его зовут и не язычник ли он. Раз платит, значит не язычник. Разве ты язычник?

Швейцеркас. Вовсе нет.

Полковой священник. Он вел здесь себя вполне пристойно и не раскрывал рта, разве только когда ел. А тут уж нельзя иначе.

Фельдфебель. А ты кто такой?

Мамаша Кураж. Это всего-навсего мой буфетчик. А вы, наверно, не прочь промочить горло, я налью вам по стаканчику водки, вы, конечно, бежали и запарились.

Фельдфебель. Не пьем при исполнении служебных обязанностей.
(Швейцерпасу.) Ты что-то унес. Ты что-то спрятал на берегу. Когда ты уходил отсюда, куртка у тебя была оттопырена.

Мамаша Кураж. Да он ли это был?

Швейцеркас. Вы, наверно, имеете в виду кого-то другого. Я видел здесь одного, у него действительно куртка была оттопырена. Я -- не тот.

Мамаша Кураж. Тут, по-моему, недоразумение, что ж, это бывает. Я в людях разбираюсь, я -- Кураж, вам это известно, меня все знают, и я вам говорю, что у него вид честного человека.

Фельдфебель. Мы ищем полковую кассу Второго Финляндского, и нам известны приметы парня, у которого она хранится. Мы искали его два дня. Это ты.

Швейцеркас. Нет, не я.

Фельдфебель. И если ты ее не отдашь, тебе крышка, так и знай. Где она?

Мамаша Кураж (горячо). Он, конечно, отдал бы ее, если иначе ему крышка. Он бы сразу сказал: да, она у меня, берите ее, вы сильнее. Он же не

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

настолько глуп. Говори же, господин фельдфебель дает тебе возможность спастись, дурак ты этакий.

Швейцеркас. А если у меня ее нет?!

Фельдфебель. Тогда пойдем с нами. Мы развяжем тебе язык.

Уводят его.

Мамаша Кураж (*кричит вдогонку*). Он сказал бы. Он же не настолько глуп. И не выкручивайте ему руки! (*Бежит за ними.*)

В тот же вечер. **Полковой священник** и немая **Катрин** полощут стаканы и чистят ножи.

Полковой священник. Такие случаи, когда кто-то гибнет, для истории религии не новость. Напомню страсти господни. Об этом давно сложена песня. (*Поет песню "Часы".*)

Как убийца и подлец,
Наш господь когда-то
Приведен был во дворец
Понтия Пилата.

Что Исус не лиходей,
Не мастак на плутни,
Было ясного ясней
К часу пополудни.

Понтий, хитрая лиса,
Не нарушил правил,
Он Исуса в три часа
К Ироду отправил.

Божий сын побит плетьюми,
В кровь исполосован.
Бессердечными людьми
Наш господь оплеван.

Он шагает тяжело
С ношею суровой,

И усталое чело

Жжет венец терновый.

В шесть он распят на кресте
Под насмешки черни.
Вся одежда на Христе -- Л
ишь венок из терний.

Для потехи смочен рот
Уксусом и желчью.

Дотемна резвился сброд,
Все сносил он молча.

В девять умер сын твой, бог,
Застонав от боли,
И копьем Исусу бок
Люди прокололи.

Скалы громом сметены,
Вместо тверди -- бездна,
И врата отворены
В царствие небесно.

А из раны -- кровь с водой...
Да и как не течь им?
Вот что сделал род людской
С сыном человеческим.

Мамаша Кураж (вбегает взволнованная). Дело идет о жизни и смерти. Но, кажется, с фельдфебелем можно договориться. Только ни в коем случае они не должны знать, что это наш Швейцеркас, а то получится что мы его укрывали. Дело только за деньгами. Где же достать денег? Иветты здесь не было? Я ее встретила. Она уже подцепила полковника, может быть, он купит ей маркитантский фургон.

Полковой священник. Вы в самом деле хотите его продать?

Мамаша Кураж. Откуда же мне достать деньги для фельдфебеля?

Полковой священник. А на какие средства вы будете жить?

Мамаша Кураж. То-то и оно.

Входит Иветта Потье со старым-престарым **полковником.**

Иветта (*обнимает мамашу Кураж*). Кураж, дорогая, вот как скоро мы увиделись снова! (*Шепотом.*) Он не возражает. (*Громко.*) Это мой близкий друг, он дает мне деловые советы. Я случайно узнала, что в силу обстоятельств вы продаете свой фургон. Я бы, пожалуй, подумала о вашем предложении.

Мамаша Кураж. Не продаю, а хочу отдать в залог, нельзя действовать опрометчиво, не так-то просто снова купить такой фургон в военное время.

Иветта (*разочарованно*). Ах, только в залог, а я думала -- продаете. Не знаю, представит ли это для меня интерес. (*Полковнику.*) Как ты думаешь?

Полковник. Я полностью разделяю твое мнение, милая.

Мамаша Кураж. Да, только в залог.

Иветта. Я думала, вам нужны деньги.

Мамаша Кураж (*твердо*). Да, мне нужны деньги, но лучше я себе напрочь ноги стопчу в поисках человека, который даст мне под заклад денег, чем так сразу и продам фургон. Как можно, он ведь нас кормит. Не упускай случая, Иветта, кто знает, когда еще представится такая возможность и будет вдобавок добрый друг, который может дать хороший совет. Разве не так?

Иветта. Да, мой друг полагает, что мне нужно согласиться, но я сама не знаю. Если только в залог... ведь ты тоже считаешь, что лучше нам сразу купить?

Полковник. Я тоже так считаю.

Мамаша Кураж. Тогда тебе нужно поискать, где продается. Может, что и найдешь; если твой друг ходит с тобой, скажем, неделю или две, то,

пожалуй, и найдешь что-нибудь подходящее.

Иветта. Да, походим, поищем, я люблю ходить и искать, мы походим с тобой, Польди, ведь это же сплошное удовольствие ходить с тобой, правда? И даже если это продлится две недели! А когда бы вы вернули деньги, если бы их получили?

Мамаша Кураж. Через две недели, а то и через одну.

Иветта. Я никак не могу решиться, Польди, cheri, посоветуй, как быть.
(Отводит полковника в сторону.) Я знаю, она должна продать, об этом мне беспокоиться нечего. И прапорщик, этот блондин, ты его знаешь, предлагает мне деньги в долг. Он втрескался в меня, я, говорит, ему кого-то напоминаю. Что ты мне посоветуешь?

Полковник. Я хочу тебя от него предостеречь. Он плохой человек. Он это использует. Я ведь обещал тебе что-нибудь купить, не правда ли, зайчик?

Иветта. Я не могу принять от тебя такой подарок. Но если ты считаешь, что прапорщик может это использовать... Польди, я приму это от тебя.

Полковник. Разумеется.

Иветта. Ты советуешь?

Полковник. Я советую.

Иветта (возвращаясь к Кураж). Мой друг мне советует. Пишите расписку и укажите, что по истечении двух недель фургон со всем содержимым принадлежит мне. Содержимое мы осмотрим сейчас, а двести гульденов я принесу потом.

(Полковнику.) Тебе придется одному идти в лагерь, я приду позднее, я должна все как следует осмотреть, чтобы ничего не пропало из моего фургона. (Целует его. Он уходит. Она взбирается на фургон.) Ну, сапог тут немного.

Мамаша Кураж. Иветта, сейчас не время осматривать твой фургон, если он твой. Ты обещала мне, что поговоришь с фельдфебелем о моем Швейцеркасе,

нельзя терять ни минуты, говорят, через час его будет судить полевой суд.

Иветта. Дай мне сосчитать только полотняные рубашки.

Мамаша Кураж (за юбку стаскивает ее с фургона). Ах ты, гиена безжалостная, дело идет о жизни Швейцеркаса. Смотри, ни слова о том, от кого эти деньги, притворись, будто хлопчешь за своего возлюбленного, а то мы все погибнем как его сообщники.

Иветта. Я велела одноглазому прийти в лесок; наверно, он уже там.

Полковой священник. И не нужно сразу предлагать ему все двести, остановись на ста пятидесяти, хватит и этого.

Мамаша Кураж. Разве это ваши деньги? Прошу вас не вмешиваться. Свою луковую похлебку вы и так получите. Беги и не торгуйся, дело идет о жизни Швейцеркаса. (Выталкивает Иветту.)

Полковой священник. Я не хочу вмешиваться, но на что мы будем жить? У вас на шее нетрудоспособная дочь.

Мамаша Кураж. Вы забыли о полковой кассе, а еще лезете в мудрецы. Уж издержки-то они ему должны простить.

Полковой священник. А она не подведет?

Мамаша Кураж. Она ведь заинтересована в том, чтобы я истратила ее две сотни, ей же достанется фургон. Зевать ей не приходится, кто знает, надолго ли хватит ее полковника. Катрин, если ты чистишь ножи, то возьми пемзу. И вы тоже не стойте, как Иисус у горы Елеонской, пошевелитесь, вымойте стаканы, а то вечером явится этак с полсотни кавалеристов, и вы опять запоеете: "Ах, я не привык бегать, ах, мои ноги, во время церковной службы бегать не нужно". Я думаю, они его отпустят. Слава богу, взятки они берут. Ведь они же не звери, а люди, и на деньги падки. Продажность человеческая и милосердие божие -- это одно и то же. Только на продажность мы и можем рассчитывать. До

тех пор, пока она существует на свете, судьи нет-нет да будут выносить мягкие приговоры, и даже невиновного могут, глядишь, оправдать.

Иветта (*вбегает запыхавшись*). Они согласны только за двести. И медлить нельзя. Там дело делается быстро. Лучше всего мне сейчас же пойти с одноглазым к моему полковнику. Он признался, что шкатулка была у него, они зажали ему пальцы тисками. Но он бросил ее в реку, когда увидел, что за ним следят. Плакала шкатулочка. Ну что, бежать мне за деньгами к полковнику?

Мамаша Кураж. Шкатулки нет? Откуда же я возьму две сотни?

Иветта. Ах, вы думали, что возьмете их из шкатулки? Хорошо бы я влипла, нечего сказать. Можете не надеяться. Придется вам выложить денежки, если хотите спасти Швейцеркаса, или, может быть, мне плюнуть на это дело, чтобы сохранить вам ваш фургон?

Мамаша Кураж. На это я никак не рассчитывала. Не наседай, ты и так получишь фургон, его у меня уже нет, он семнадцать лет мне служил. Дай мне только минутку подумать, это все как снег на голову, что мне делать, две сотни я не могу дать, ты бы поторговалась. Я должна себе что-то оставить, а то ведь первый встречный столкнет меня в канаву. Пойди и скажи, что я даю сто двадцать гульденов, иначе дело не пойдет, фургон я и так уж теряю.

Иветта. Они не уступят. Одноглазый и так уж торопился, он все время озирается от волнения. Не лучше ли мне сразу дать им две сотни?

Мамаша Кураж (*в отчаянье*). Я не могу дать этих денег. Тридцать лет я работала. Ей уже двадцать пять, а мужа у нее еще нет. Она ведь тоже на мне. Не уговаривай меня, я знаю, что делаю. Скажи им: или сто двадцать, или дело не пойдет.

Иветта. Вам виднее. (*Быстро уходит.*)

Мамаша Кураж, не глядя ни на полкового священника, ни на дочь, садится рядом с Катрин и помогает ей чистить ножи.

Мамаша Кураж. Не разбейте стаканы, они уже не наши. Следи за тем, что делаешь, а то порежешься. Швейцеркас вернется, я отдам и двести, если понадобится. Твой брат будет с тобой. На восемьдесят гульденов мы накупим целую корзину товара и начнем все сначала. Не мытьем, так катаньем.

Полковой священник. Господь все обратит во благо, как говорится в Писании.

Мамаша Кураж. Вытирайте досуха.

Они молча чистят ножи. Катрин вдруг, всхлипывая, убегает за фургон.

Иветта (убегает). Они не согласны. Я вас предупреждала. Одноглазый хотел тут же уйти, потому что дело пропавшее. С минуты на минуту он ждет барабанного боя, а это, сказал он, значит, что приговор вынесен. Я предложила сто пятьдесят. Он и бровью не повел. Еле упростила его остаться, чтобы мне еще раз с вами поговорить.

Мамаша Кураж. Скажи ему, я дам две сотни. Беги.

Иветта убегает. Они сидят молча. Полковой священник перестал мыть стаканы.

Кажется, я слишком долго торговалась.

Издалека доносится барабанная дробь. Священник встает и уходит в глубь сцены. Мамаша Кураж не поднимается с места. Свет гаснет. Барабанный бой прекращается. Снова зажигается свет. Мамаша Кураж сидит в той же позе.

Иветта (появляется очень бледная). Ну, вот доторговались, фургон при вас. Он получил одиннадцать пуль, всего-навсего. Вы не стоите того, чтобы я вообще о вас заботилась. Но я кое-что разнюхала. Они не верят, что касса на самом деле в реке. Они подозревают, что она здесь и, вообще, что вы были с ним связаны. Они хотят принести его сюда: вдруг вы, увидев его, себя выдадите. Предупреждаю вас, сделайте вид, что вы его не знаете, не то все пропадете. Они идут сюда, скажу уж сразу. Увести Катрин?

Мамаша Кураж качает головой.

Она здесь? Может быть, она не слыхала насчет барабанов или не поняла?

Мамаша Кураж. Она знает. Приведи ее.

Иветта приводит Катрин, та подходит к матери. Мамаша Кураж берет ее за руку. Появляются два солдата с носилками, на которых, под простыней, что-то лежит. Рядом шагает фельдфебель. Они опускают носилки на землю.

Фельдфебель. Вот человек, имя которого нам неизвестно. Но для порядка имя нужно вписать в протокол. Он у тебя обедал. Взгляни-ка, может, ты его знаешь. (Поднимает простыню.) Знаешь его?

Мамаша Кураж качает головой.

Ты что ж, ни разу не видела его до того, как он у тебя обедал?

Мамаша Кураж качает головой.

Поднимите его. Бросьте его на свалку. Его никто не знает. Солдаты уносят труп.

4

Мамаша Кураж поет "Песню о Великой капитуляции".

Перед офицерской палаткой. Мамаша Кураж ждет. Из палатки выглядывает **писарь**.

Писарь. Я вас знаю. Вы укрывали у себя лютеранского казначея. Лучше не жалуйтесь.

Мамаша Кураж. Нет, я буду жаловаться. Я ни в чем не виновата, а если я это так оставлю, еще подумают, что у меня совесть нечиста. Все, что у меня было в фургоне, они искромсали своими саблями и еще ни за что ни про что оштрафовали меня на пять талеров.

Писарь. Послушайте доброго совета, держите язык за зубами. У нас не так много маркитантов, и мы разрешаем вам торговать, особенно если совесть у вас нечиста и вы время от времени платите штраф.

Мамаша Кураж. Нет, я буду жаловаться.

Писарь. Дело ваше. Тогда подождите, пока господин ротмистр освободится.

(Скрывается в палатке.)

Молодой солдат *(входит, буяня)*. Vouque la Madonne! Где эта богомерзкая собака, ротмистр, который зажиливает мои наградные и пропивает их со своими шлюхами? Убью!

Пожилой солдат *(вбегает вслед за ним)*. Замолчи. Посадят тебя!

Молодой солдат. Эй, выходи, воровская рожа! Я из тебя котлету сделаю. Зажимать мои наградные, чтобы я не мог даже пива выпить, после того как я

один из всего эскадрона полез в реку? Нет, я этого так не оставлю. Выходи, я изрублю тебя на куски!

Пожилой солдат. Иосиф и Мария, человек сам себя губит.

Мамаша Кураж. Ему что, не дали на водку за что-то?

Молодой солдат. Пусти меня, а то и тебя зарублю. Заодно уж.

Пожилой солдат. Он спас коня полковника, и ему не дали на водку. Он еще молодой и не привык к службе.

Мамаша Кураж. Пусти его, он не собака, чтобы держать его на цепи. Это вполне разумное желание -- получить на водку. С чего бы ему еще стараться?

Молодой солдат. И он еще там пьянствует! Вы все в штаны кладете, а я отличился и требую заслуженной награды!

Мамаша Кураж. Молодой человек, не орите на меня. У меня своих забот хватает. И вообще, поберегите свой голос. Он вам еще понадобится, когда придет ротмистр. А то ротмистр придет, а вы, глядишь, уже сорвали голос и молчите как рыба, и он не сможет вас посадить и сгноить в тюрьме. Кто орет, того хватает ненадолго, не больше, чем на полчаса. А потом его впору укладывать баиньки, до того он устает.

Молодой солдат. Я не устал, какой тут сон, я голоден. Хлеб вы печете из желудей и конопли, на этом вы тоже экономите. Этот бабник пропивает мои наградные, а я голоден. Убью!

Мамаша Кураж. Понимаю, вы голодны. В прошлом году ваш командующий велел вам шагать не по дорогам, а по полям, чтобы вытоптать хлеб, я тогда могла бы взять за пару сапог десять гульденов, если бы у кого-нибудь из вас было десять гульденов, а у меня были сапоги. Он думал, что в этом году ему не придется быть в этих местах, а вот он все еще здесь, а кругом голод. Я понимаю, что вас злость берет.

Мамаша Кураж. Правильно, но как долго? Как долго вы не выносите несправедливости? Час или два? Вот видите, такого вопроса вы себе не задавали, а это самое главное, ведь горько вам будет в тюрьме, если вдруг окажется, что вы уже готовы примириться с несправедливостью.

Молодой солдат. Не знаю, почему я вас слушаю. Vouque la Madonne, где ротмистр?

Мамаша Кураж. Вы слушаете меня потому, что сами знаете, что злость ваша уже поостыла, это была короткая злость, а вам нужна злость надолго. Да где ее взять?

Молодой солдат. Вы хотите сказать, что требовать на водку не полагается?

Мамаша Кураж. Напротив. Я говорю только, что злости вашей надолго не хватит, что ничего вы с такой злостью не добьетесь. А жаль. Если бы вы разозлились надолго, я бы вас еще подзадорила. Изрубите эту собаку на куски -- вот что я бы тогда вам посоветовала, да куда там, вы же не станете его рубить, вы все сами чувствуете, что уже поджали хвост. И я еще окажусь в ответе за вас перед ротмистром.

Пожилой солдат. Сушая правда, просто дурь в голову ударила.

Молодой солдат. Что ж, посмотрим, изрублю его или нет. *(Вынимает меч из ножен.)* Когда он придет, я его изрублю.

Писарь *(выглядывает)*. Господин ротмистр сейчас придет. Сесть!

Молодой солдат садится.

Мамаша Кураж. Он уже сидит. Видите, а я что говорила. Вы уже сидите. Да, они нас знают и знают, как действовать. Сесть! И мы уже сидим. А кто

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

сидит, тот не бунтует. Лучше не вставайте, не становитесь больше в ту позу, в которой вы стояли. Передо мной можете не стесняться, я сама не лучше, какое там. Они у всех у нас отняли нашу удачу. Еще бы, если я вякну, я наврежу своей торговле. Я расскажу вам сейчас кое-что о Великой капитуляции.

(Поет "Песню о Великой капитуляции".)

Было время -- я была невинна,
Я на род людской глядела сверху вниз.

Разве можно меня с моей внешностью, с моим талантом, с моим стремлением к высшему равнять с какой-нибудь другой бедной деревенской девчонкой!

Я не знала, что такое половина,
И не знала слова "компромисс".

Либо все, либо ничего, во всяком случае, не первого встречного, человек сам кует свое счастье, пожалуйста, не учите меня!

А скворец поет:
Потерпи-ка с год!
И, затаив свои мечты,
Со всеми в ряд шагаешь ты.
Увы, приходится шагать
И ждать, ждать, ждать!
Наступит час, настанет срок!
Ведь человек же ты, не бог --
Лучше промолчать!
Но и год -- не так уж это мало!
Поступиться кое-чем пришлось и мне.

Двое детей на шее, да цены на хлеб, нужно то, нужно другое!

На коленях я, глядишь, уже стояла
И уже лежала на спине.

Надо уметь ладить с людьми, рука руку моет, стену лбом не прошибешь.

А скворец поет:
Перебейся год!

И, затаив свои мечты,
Со всеми в ряд шагаешь ты.
Увы, приходится шагать
И ждать, ждать, ждать!
Наступит час, настанет срок!
Ведь человек же ты, не бог --
Лучше промолчать!
Кое-кто пытался сдвинуть горы,
С неба снять звезду, поймать рукою дым.

Сильному все нипочем, терпенье и труд все перетрут,
выдержим, выдюжим.

Но такие убеждались очень скоро,
Что усилья эти не по ним.

По одежке протягивай ножки.

А скворец поет:
Потерпи, придет!
И, затаив свои мечты,
Со всеми в ряд шагаешь ты.
Увы, приходится шагать
И ждать, ждать, ждать!
Наступит час, настанет срок!
Ведь человек же ты, не бог --
Лучше промолчать!

(Молодому солдату.) Вот я и думаю, если тебе действительно невмоготу и злость у тебя большая, то тогда стой здесь, подняв меч, у тебя есть все основания злиться, что и говорить, но, если злость у тебя короткая, тогда лучше ступай отсюда!

Молодой солдат. Поцелуй меня в задницу. (Ковыляя, он покидает сцену, пожилой солдат идет за ним.)

Писарь (высовывает голову). Ротмистр пришел. Теперь можете жаловаться.

Мамаша Кураж. Я передумала. Я не буду жаловаться. (Уходит.)

5

Прошло два года. Война захватывает все новые пространства. Не зная отдыха, мамаша Кураж со своим фургончиком проходит Польшу, Моравию, Баварию, Италию и снова Баварию. 1631 год. Победа Тилли при Магдебурге стоит мамаше Кураж четырех офицерских сорочек.

Фургон мамы Кураж стоит в разрушенной деревне. Издалека слабо доносится военная музыка. У стойки -- **два солдата**, их обслуживают **мамаша Кураж и Катрин**. У одного солдата накинута на плечи дамская меховая шубка.

Мамаша Кураж. Что, платить нечем? Нет денег -- нет водки. Победные марши играть они горазды, а нет чтоб солдатам жалованье выдать.

Солдат. Водки хочу. Я слишком поздно начал грабить. Командующий нас надул и отдал город на разграбление всего на один час. Я, говорит, не зверь; наверно, получил от города взятку.

Полковой священник (входит, прихрамывая). Во дворе лежат еще несколько человек. Крестьянская семья. Помогите мне кто-нибудь. Мне нужна холстина для повязок.

Второй солдат уходит с ним.

Катрин приходит в большое волнение и пытается выпросить у матери холстину для бинтов.

Мамаша Кураж. У меня нет ничего. Бинты я распродала в полку. Офицерские сорочки я рвать ради них не буду.

Полковой священник (кричит из глубины сцены).
Говорю вам, мне нужна холстина.

Мамаша Кураж (садится на лесенку, чтобы Катрин не вошла в фургон). Не дам. Платить они не станут, у них нет ничего.

Полковой священник (склонившись над женщиной, которую он внес на руках). Почему вы не ушли, когда начался оружейный обстрел?

Крестьянка (слабым голосом). Хозяйство.

Мамаша Кураж. Разве эти люди что-нибудь бросят! А я так выкладывай.
Нет, не дам.

Первый солдат. Это лютеране. С какой стати они лютеране?

Мамаша Кураж. Плевать им на веру. У них хозяйство пропало.

Второй солдат. Никакие они не лютеране. Они-то сами католики.

Первый солдат. Когда идет обстрел, как их рассортируешь.

Крестьянин (его приводит священник). Пропала моя рука.

Полковой священник. Где холст?

Все смотрят на мамашу Кураж, та не шевелится.

Мамаша Кураж. Не могу ничего дать. Всякие налоги, пошлины, проценты, взятки!

Катрин, издавая нечленораздельные гортанные звуки, поднимает с земли доску и замахивается на мать.

Рехнулась ты, что ли? Положи сейчас же доску, дрянь ты этакая, а то отлуплю! Не дам, не могу, я должна о себе самой подумать.

Полковой священник снимает ее с лесенки и сажает на землю; затем он достает сорочки и разрывает их на узкие полоски.

Мои сорочки! Полгульдена штука! Меня разорили!

Из хижины доносится жалобный детский голое.

Крестьянин. Там еще дитя.

Катрин бежит в хижину.

Полковой священник (крестьянке). Лежи! Без тебя уж вытащат.

Мамаша Кураж. Остановите ее, крыша может обвалиться.

Полковой священник. Я больше туда не войду.

Мамаша Кураж (мечется). Не разбрасывайтесь дорогим бельем!

Второй солдат сдерживает ее. Появляется Катрин с грудным ребенком, которого она вынесла из развалин.

Снова нашла себе сосунка, чтобы с ним нянчиться? Сейчас же отдай его матери, слышишь, не то мне снова придется битый час драться с тобой, пока не вырву его у тебя из рук! (Второму солдату.) Нечего глаза пялить, пойдй лучше и скажи им, чтобы прекратили музыку, я и так вижу, что они победили. У меня только убытки от ваших побед.

Полковой священник (накладывая повязку). Кровь просачивается.

Катрин укачивает младенца, бормоча что-то похожее на колыбельную песню.

Мамаша Кураж. Смотрите на нее, она уже счастлива среди всего этого горя. Сейчас же отдай ребенка, мать уже приходит в себя. (Замечает, что первый солдат пристроился к водке и, теперь хочет удрать с бутылкой.) Пся крив! Ах ты, скотина, ты хочешь побеждать дальше? Плати!

Первый солдат. У меня нет ничего.

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

Мамаша Кураж (срывает с него шубку). Тогда давай шубу, она все равно краденая.

Полковой священник. Там под обломками еще один.

6

Близ города Ингольштадта в Баварии Кураж присутствует на похоронах главнокомандующего императорских войск Тили. Идут разговоры о героях войны и о длительности войны. Полковой священник сетует на то, что его способности пропадают втуне, немая Катрин получает красные туфельки.

1632 год.

Внутри маркитантской палатки с питейной стойкой в задней стене. Дождь.

Вдалеке -- бой барабанов и траурная музыка.

Полковой священник и **писарь** играют в шашки.

Мамаша Кураж и **Катрин** заняты инвентаризацией.

Полковой священник. Сейчас похоронная процессия трогается.

Мамаша Кураж. Жалко главнокомандующего -- двадцать две пары носков, -- говорят, он погиб из-за несчастного случая. Всему виной был туман на лугу.

Главнокомандующий призвал еще один полк сражаться, не боясь смерти, а потом поскакал назад, но из-за тумана ошибся в направлении: оказалось, что он поскакал не назад, а вперед, в самое пекло боя, где и попал под пулю --

Бертольт Брехт
свечей только четыре осталось.

"Мамаша Кураж и ее дети"

В глубине сцены свистят.

(Идет к стойке.) Позор, вы уклоняетесь от похорон вашего погибшего главнокомандующего! *(Наполняет стаканы.)*

Писарь. Не следовало до похорон выплачивать жалованье. Теперь они пьянствуют, вместо того чтобы идти на похороны.

Полковой священник *(писарю)*. А вам не нужно идти на похороны?

Писарь. Я уклонился из-за дождя.

Мамаша Кураж. Вы -- это другое дело, дождь может испортить ваш мундир. Говорят, в его честь хотели, конечно, звонить в колокол, но оказалось, что по его приказу церкви разбиты снарядами, так что бедный главнокомандующий не услышит колокольного звона, ложась в могилу. Дадут три залпа из орудий взамен, чтобы не совсем уж будничная была обстановка -- семнадцать ремней.

Голоса у стойки. Хозяйка! Водки!

Мамаша Кураж. Сначала деньги! Нет, в палатку я вас с вашими грязными сапожищами не пущу! Пейте себе на улице, мало ли что дождь. *(Писарю.)* Я только командиров пускаю! Говорят, в последнее время у главнокомандующего были заботы. Будто во втором полку пошли беспорядки, потому что он не выдал им жалованье, а сказал, что война идет за веру и они должны воевать даром.

Похоронный марш. Все смотрят в глубину сцены.

Полковой священник. Сейчас они проходят торжественным маршем перед верховным покойником.

Мамаша Кураж. Мне жаль такого вот полководца или императора, он, может быть, думал, что совершает подвиг, о котором будут говорить и после его смерти и за который ему памятник поставят, например, он завоевывает весь

мир, для полководца это великая цель, ничего лучшего, по его разумению, не может быть. Одним словом, он из кожи вон лезет, а потом все идет прахом из-за простонародья, которому, может быть, только и нужно, что кружку пива да небольшую компанию, а не что-то там великое. Самые прекрасные планы расстраивались из-за ничтожества тех, кто должен был их выполнять, ведь император ничего не может сделать сам, ему нужна поддержка солдат и народа, среди которого он случайно оказался, разве я не права?

Полковой священник (со смехом). Кураж, я во всем с вами согласен, только вот насчет солдат вы не правы. Они делают все, что в их силах. С теми солдатами, например, что сейчас пьют водку под дождем, я берусь в течение ста лет вести одну войну за другой и даже, если понадобится, две сразу, а ведь я никакой не полководец по образованию.

Мамаша Кураж. Значит, вы думаете, что война не кончится?

Полковой священник. Из-за смерти-то главнокомандующего? Не будьте ребенком. Таких найдется дюжина, в героях никогда не бывает недостатка.

Мамаша Кураж. Послушайте, это не просто ехидный вопрос, я думаю, закупить мне еще товару или нет, сейчас как раз можно купить по дешевке, но, если война кончится, запасы мне ни к чему.

Полковой священник. Я понимаю, что вы спрашиваете всерьез. Всегда встретишь людей, которые говорят: "Когда-нибудь война кончится". А я скажу: нигде не сказано, что война когда-нибудь кончится. Конечно, может наступить небольшой перерыв. Возможно, что войне нужно будет перевести дух или ей даже, так сказать, не повезет. От этого она не застрахована, ведь нет ничего совершенного в этом мире. Вероятно, и совершенной войны, такой, о которой

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

можно сказать, что уж к ней-то не придерешься, тоже никогда не будет.
Смотришь, из-за чего-нибудь непредвиденного она вдруг и застопорится, всего человек не может учесть. Скажем, какой-нибудь недосмотр, и вся музыка испорчена. Потом иди, вытягивай войну из дерьма, в котором она увязла! Но императоры, короли и папа придут ей на помощь, они не оставят ее в беде. Так что, в общем, никакие серьезные опасности ей не грозят и впереди у нее долгая жизнь.

Солдат (поет у стойки).

Хозяин, водки дай хлебнуть:
Солдат спешит в далекий путь,
За веру будем биться!

Двойную порцию ради праздника!
Мамаша Кураж. Если бы вам можно было верить...
Полковой священник. Судите сами! Что может помешать войне?

Солдат (поет).

Эй, баба, дай пощупать грудь!
В Моравию мы держим путь,
Нам нужно торопиться.

Писарь (неожиданно). А мир, как же будет с миром? Я из Богемии и хотел бы заодно вернуться домой.

Полковой священник. Вот как? Да, мир! Что станется с дырками, когда сыр сожрут?

Солдат (поет в глубине сцены).

Дружок, пора откозырнуть.
Солдат спешит в далекий путь,
Он верит офицеру.

Эй, поп, молитву не забудь.
Солдат спешит в далекий путь,
Чтоб умереть за веру.

Писарь. Нельзя жить без мира долго.

Полковой священник. Я бы сказал, что мир есть и во время войны, у войны есть свои мирные уголки. Война удовлетворяет все потребности, в том числе и мирные, об этом уж позаботились, иначе бы война долго не продержалась. Во время войны ты можешь испражняться с таким же успехом, как в самое спокойное мирное время, между двумя боями можно выпить кружку пива, и даже во время наступления можно вздремнуть, почему нет, примостившись где-нибудь в канаве. Конечно, во время атаки нельзя играть в карты, но ведь и во время пахоты среди полного мира тоже не поиграешь, зато после победы это вполне возможно. Тебе, скажем, оторвет ногу, ты сначала поднимешь крик, словно что-то случилось, а потом ты успокоишься или тебе дадут водки, в конце концов ты кое-как ковыляешь, а войне от этого горя мало. И кто мешает тебе размножаться среди всей этой резни и кровопролитья, за сараем или еще где-нибудь, ведь от этого тебя не удержишь надолго. Нет, война всегда найдет себе выход, да еще какой. Почему же ей прекращаться?

Катрин перестает работать и во все глаза смотрит на полкового священника.

Мамаша Кураж. Значит, я закуплю товару. Полагаюсь на вас.

Катрин вдруг бросает на землю корзинку с бутылками и выбегает из палатки.

Катрин! (Смеется.) Боже мой, она ведь ждет мира. Я обещала ей, что, когда наступит мир, у нее будет муж. (Бежит за ней.)

Писарь (вставая). Я выиграл, потому что вы разговаривали. Вам платить.

Мамаша Кураж (входит с Катрин). Будь умницей, война еще немного продлится, а мы еще сколотим немного денег, и мир от этого будет только лучше. Сходи-ка ты сейчас в город, тут не больше десяти минут ходьбы, и возьми товар в тракторе "Золотой Лев", самое ценное ты захватишь с собой, а за остальным мы потом заедем с фургоном, я обо всем договорилась, тебя проводит господин писарь. Почти все ушли на похороны командующего, так что опасаться тебе некого. Ну, иди с богом, смотри, чтобы тебя не ограбили, думай о своем приданом!

Катрин накидывает на голову кусок холста и уходит с писарем.

Полковой священник. Вы не боитесь отпускать ее с писарем?

Мамаша Кураж. Она не настолько красива, чтобы кому-нибудь пришло в голову ее испортить.

Полковой священник. Я много раз восхищаюсь вашим умением вести дела и выходить из любого положения. Понимаю, почему вас называли Кураж.

Мамаша Кураж. Кураж, смелость -- вот что нужно бедным людям. Иначе их дело пропащее. Для того чтобы в их положении вставать по утрам, уже нужна смелость. Или чтобы перепахать поле, да еще во время войны! Одно то, что они производят на свет детей, уже говорит об их смелости, потому что впереди у них ничего нет. Они должны быть палачами друг другу и отправлять друг друга на тот свет, тогда как им хочется смотреть друг другу в глаза, для этого, конечно, нужна смелость, нужен кураж. И то, что они терпят императора и папу, это тоже доказывает их жуткую смелость, потому что за этих господ они платятся жизнью. (Садится, достает из кармана маленькую трубку и

закуривает.) Вы бы накололи дров.

Полковой священник (с неудовольствием снимает куртку, готовясь колоть дрова). Я, собственно, наставник душ, а не дровосек.

Мамаша Кураж. Души у меня нет. А вот дрова мне нужны.

Полковой священник. Что это у вас за трубочка?

Мамаша Кураж. Обыкновенная трубка.

Полковой священник. Нет, не "обыкновенная", а вполне определенная.

Мамаша Кураж. Вот как?

Полковой священник. Это трубка повара из войска Оксеншерны.

Мамаша Кураж. Если знаете, зачем лицемерить и спрашивать?

Полковой священник. Потому что я не знал, сознательно ли вы курите именно эту трубку. Ведь могло же быть и так, что вы рылись в вещах, наткнулись на какую-то трубку и взяли ее просто по рассеянности.

Мамаша Кураж. А может, так оно и было?

Полковой священник. Нет, не так. Вы курите ее сознательно.

Мамаша Кураж. Ну, а если сознательно, то что?

Полковой священник. Кураж, я вас предостерегаю. Это мой долг. Вряд ли случится вам увидеть ее владельца, но это не беда, это ваше счастье. Он не произвел на меня впечатления положительного человека. Напротив.

Мамаша Кураж. Вот как? Он показался мне славным человеком.

Полковой священник. Ах, вот какие люди кажутся вам славными? Мне -- нет. Я совсем не желаю ему зла, но славным человеком я его никак не могу назвать. Я бы скорее назвал его донжуаном, и притом изощренным. Посмотрите получше на его трубку, если вы мне не верите. Вы должны признать, что она выдает его характер.

Мамаша Кураж. Ничего не вижу. Старая трубка, и все.

Полковой священник. Он ее наполовину прокусил. Порботитель. Это трубка

беспощадного поработителя, вот что вы можете по ней прочесть, если вы еще не окончательно потеряли рассудок.

Мамаша Кураж. Смотрите не расколите мне пенек.

Полковой священник. Я же вам сказал, что я по образованию не дровосек. Меня учили наставлять души, а не колоть дрова. Здесь пренебрегают моими дарованиями и способностями, заставляя меня выполнять физическую работу.

Таланты, данные мне богом, вообще не проявляются. Это грех. Вы не слышали моих проповедей. Одной речью я могу привести целый полк в такое настроение, что на неприятельское войско он смотрит как на стадо баранов. Солдатам собственная их жизнь кажется старой провонявшей половой тряпкой, которую они готовы вышвырнуть при мысли о конечной победе. Бог наградил меня даром слова. Моя проповедь может ослепить вас и оглушить.

Мамаша Кураж. Я совсем не хочу этого. Что мне делать слепой и глухой?

Полковой священник. Кураж, я часто думал, не скрывается ли за вашими трезвыми речами горячее сердце. Вы ведь тоже человек, и вам нужно тепло.

Мамаша Кураж. Чтобы в палатке было тепло, нужно заготовить достаточно дров.

Полковой священник. Вы переводите разговор на другое. Серьезно, Кураж, я часто спрашиваю себя, что было бы, если бы наши отношения стали немного ближе. Ведь ураган войны так странно сплел наши судьбы.

Мамаша Кураж. Я думаю, что у нас и так достаточно близкие отношения. Я варю вам обед, а вы работаете, например, колете дрова.

Полковой священник (подходит к ней вплотную). Вы знаете, о каких близких отношениях я говорю; здесь ни при чем дрова и обед и прочие низменные потребности. Пусть заговорит ваше сердце, не заглушайте его голоса.

Мамаша Кураж. Не подходите ко мне с топором. Это были бы уж слишком близкие отношения.

Полковой священник. Не превращайте это в шутку. Я человек серьезный, я думаю, когда говорю.

Мамаша Кураж. Священник, будьте благоразумны. Вы мне симпатичны, я не хотела бы вас отчитывать. Единственное мое стремление -- это прокормить себя и своих детей с помощью фургона. Я его не считаю своим, и мне сейчас не до личных радостей. Как раз сейчас я иду на риск, я закупаю товар, хотя главнокомандующий убит и кругом говорят о мире. Куда вы денетесь, если я разорюсь? Видите, вы сами не знаете. Наколите-ка нам дров, тогда вечером у нас будет тепло, а это уже немало по нашим временам. Что такое? *(Встает.)*

Входит Катрин, она едва дышит, у нее рана на лбу, над глазом. Она тащит кучу разных вещей, свертки, кожаные изделия, барабан и т. п.

Что такое, на тебя напали? На обратном пути? На нее напали на обратном пути! Наверно, это был кавалерист, который здесь нализался! Не следовало мне тебя посылать. Брось эти вещи! Ничего страшного, кость не задета. Я перевяжу рану, и через неделю все заживет. Они хуже зверей. *(Перевязывает рану.)*

Полковой священник. Я их ни в чем не упрекаю. У себя дома они не насильничали. Виноваты те, кто затеял войну, самое низкое в человеке они извлекают на поверхность.

Мамаша Кураж. Разве писарь не стал провожать тебя обратно? Ты порядочная девушка, вот они и не увиваются за тобой. Рана неглубокая, и следа от нее не останется. Ну вот, перевязала. Ничего, сейчас ты получишь

Бертольт Брехт

подарок. Я кое-что тебе приберегла, сейчас увидишь.
(Достает из мешка красные туфельки Иветты Потье.) Видала? Тебе они всегда нравились. Возьми их себе. Скорее надень их, чтобы я не передумала. (Помогает ей надеть туфли.)
Следа не останется, а по мне, хоть бы и остался. Беда тем, кто им нравится.
Те как пойдут по рукам, так и пиши пропало. Кто им не по вкусу, тем они хоть жить дают. Видала я смазливеньких, их быстро приводили в такой вид, что волк и тот испугался бы, За каждым деревом их подстерегает опасность, у них ужасная жизнь. Вот так же и с деревьями -- стройные, прямые валят на стропила, а кривые остаются и живут себе. Так что это тебе просто повезло.
Ботинки еще крепкие, я их смазала жиром, перед тем как спрятать.

Катрин ставит туфли на землю и забирается в фургон.

Полковой священник. Надо надеяться, это ее не изуродует.

Мамаша Кураж. Шрам останется. Теперь ей нечего ждать мира.

Полковой священник. Вещи она не отдала.

Мамаша Кураж. Наверно, мне не нужно было твердить ей об этом так настойчиво. Если бы я знала, что творится у нее в голове? Один только раз она где-то пропадала всю ночь, один-единственный за все эти годы. Потом она была опять такая же, как прежде, только работала больше. Так мне и не удалось узнать, что она пережила. Я долго ломала себе голову. (Со злостью разбирает товар, принесенный Катрин.) Вот она, война! Чудный источник дохода, нечего сказать!

Слышны орудейные залпы.

Полковой священник. Сейчас опускают в могилу главнокомандующего. Это исторический момент.

Мамаша Кураж. Для меня это исторический момент, потому что мою дочь обезобразили. Она уже наполовину конченный человек, мужа она теперь не найдет, а она так любит детей, немая она тоже только из-за войны: когда она была совсем маленькая, один солдат чем-то набил ей рот. Швейцеркаса своего я больше не увижу, а где теперь Эйлиф, один бог ведает. Будь проклята война.

7

Мамаша Кураж на вершине делового успеха.

Проселочная дорога. Мамаша Кураж, Катрин и полковой священник тянут фургон, увешанный новым товаром.

На шее у мамыши Кураж -- связка серебряных талеров.

Мамаша Кураж. Вы не убедите меня, что война -- это дерьмо. Верно, она уничтожает слабых, но они и в мирное время погибают. Зато своих людей она кормит лучше. (Поет.)

**Кому в войне не хватит воли,
Тому победы не видать.
Коль торговать, не все равно ли,
Свинцом иль сыром торговать?**

**А какой толк отсиживаться? Кто отсиживается,
тот первый и
гибнет. (Поет.)**

Иной хитрит, юлит, хлопочет,
Вовсю противится судьбе,
Себе нору он вырыть хочет --
Могилу роет он себе.
И кто спешит от шума боя
Укрыться, не жалея сил,
Тот в царстве вечного покоя
Пускай поймет, куда спешил.

Они продолжают путь.

8

В том же году в битве при Лютцене
погибает шведский король
Густав-Адольф. Мир грозит мамаше Кураж разорением.
Смелый сын мамаша Кураж
совершает на один подвиг больше, чем требовалось, и
бесславно заканчивает
свою жизнь.

Бивак. Летнее утро. Перед фургоном стоят старуха
и ее сын. У сына--
большой мешок с постельными принадлежностями.

Голос мамаша Кураж (из фургона). Неужели это такое
дело, из-за которого
нужно беспокоить людей ни свет ни заря?

Молодой человек. Мы за ночь прошли двадцать миль
пешком, и нам нужно
сегодня же вернуться обратно.

Голос мамаша Кураж. Что я буду делать с вашими
перинами? У людей нет
домов.

Молодой человек. Вы сначала посмотрите.

Старуха. Здесь тоже ничего не выйдет. Пошли!

Молодой человек. Тогда у нас не будет крыши над головой, в счет налога заберут дом. Может быть, она и заплатит три гульдена, если ты еще дашь крестик в придачу.

Раздается колокольный звон.

Послушай-ка, мать!

Голоса (в глубине сцены). Мир! Шведский король убит! Мамаша Кураж (высовывает голову из фургона). Она еще не причесана). Что за трезвон среди недели?

Полковой священник (вылезает из-под фургона). Что они кричат?

Мамаша Кураж. Недоставало только, чтобы объявили мир, как раз когда я купила новую партию товара.

Полковой священник (кричит в глубину сцены). Что, правда мир?

Голос. Говорят, уже три недели, как подписали, а мы и не знали.

Полковой священник (Кураж). А с чего бы им еще звонить в колокола?

Голос. В городе уже полно лютеран, приехали на повозках, от них и узнали.

Молодой человек. Мать, слышишь, мир! Что с тобой?

Старуха в обмороке.

Мамаша Кураж (скрываясь в фургоне). Иосиф-Мария! Катрин, мир! Оденься в черное! Мы пойдем в церковь. Это наш долг перед Швейцеркасом. Неужели это правда?

Молодой человек. Так люди здесь говорят. Значит, мир. Ты можешь встать?

Старуха встает как оглушенная.

Теперь снова заработает моя шорная мастерская. Обещаю тебе. Все наладится. Отцу мы вернем его постель. Ты можешь идти? (Полковому)

священнику.) Ей стало нехорошо. Это от новостей. Она уже не верила, что наступит мир. А отец всегда говорил, что наступит. Пойдем домой.

Уходят.

Голос мамыши Кураж. Дайте ей водки!

Полковой священник. Они уже ушли.

Голос мамыши Кураж. Что сейчас там, в лагере?

Полковой священник. Все сбегаются. Пойду взгляну.

Не надеть ли мне пасторский сюртук?

Голос мамыши Кураж. Сначала разузнайте все как следует, а потом уже объявляйтесь антихристом. Я рада миру, хотя я и разорена. По крайней мере, двое детей у меня выжили в войне. Теперь я увижу своего Эйлифа.

Полковой священник. Кто это идет сюда из лагеря? Клянусь, это повар командующего!

Повар (вид у него потрепанный, в руках - узелок). Кого я вижу? Его преподобие!

Полковой священник. Кураж, у нас гость!

Мамаша Кураж вылезает из фургона.

Повар. Я же обещал, что как только у меня будет время, я приду побеседовать. Я не забыл вашей водки, госпожа Фирлинг.

Мамаша Кураж. Иисусе, повар командующего? Сколько лет прошло! Где Эйлиф, мой старший?

Повар. Разве его еще нет здесь? Он вышел раньше меня и тоже собирался к вам.

Полковой священник. Я надену пасторский сюртук, погодите. (Скрывается за фургоном.)

Мамаша Кураж. Значит, он будет здесь с минуты на минуту. (Кричит в фургон.) Катрин, сейчас Эйлиф придет! Вынеси стаканчик водки повару, Катрин!

Катрин не показывается.

Пригладь немножко волосы, и ладно! Господин Ламб свой человек. (Сама выносит водку.) Она не хочет выходить, что ей мир. Слишком долго его пришлось ждать. Ей лоб расквасили, теперь уже почти незаметно, но ей кажется, что все на нее глаза таращат. Повар. Да, война!

Он и мамаша Кураж садятся.

Мамаша Кураж. Повар, вы застали меня в беде. Я разорилась.

Повар. Что? Вот так незадача.

Мамаша Кураж. На мире я сломала себе шею. По совету священника я недавно как раз закупила товара. Теперь все разбредутся, а я буду сидеть со своим товаром.

Повар. Как можно слушаться священника? Если бы у меня тогда было время -- католики пришли слишком быстро, -- я бы вас предостерег от него. Это гнида. Так, значит, он у вас главный советчик.

Мамаша Кураж. Он мыл посуду и помогал тянуть фургон.

Повар. Это он-то -- и тянуть?! Он, наверно, уже рассказал вам свои любимые анекдоты, у него грязное отношение к женщине, мне так и не удалось повлиять на него. Он не солидный человек.

Мамаша Кураж. А вы солидный?

Повар. Пусть я никто, но я человек солидный. Ваше здоровье!

Мамаша Кураж. Солидность -- нужна она больно. У меня, слава богу, был только один солидный. Никогда мне столько не приходилось работать, а весной он продал одеяльца детей. Мою губную гармонику он находил варварской. По-моему, если вы называете себя солидным человеком, вы плохо себя рекомендуете.

Повар. Вы все так же остры на язык, но я вас за это ценю.

Мамаша Кураж. Только не говорите теперь, что вы мечтали попасться мне на язык!

Повар. Да, такие-то дела, мы снова сидим вместе, и мирный звон, и ваша знаменитая водка, ни у кого такой не найдешь...

Мамаша Кураж. От мирного звона мне сейчас мало радости. Не думаю, чтобы теперь стали платить солдатам за прошлое, вот и буду я хороша со своей знаменитой водкой. Вам разве выплатили все, что положено?

Повар (мнется). Не то чтобы. Поэтому мы и разбрелись. Видя такую обстановку, я подумал: что я буду здесь торчать, лучше схожу навещу друзей. И вот я сижу возле вас.

Мамаша Кураж. Значит, у вас ничего нет.

Повар. Лучше бы они перестали трезвонить. Это правда, позвонили, и хватит. Я, пожалуй, занялся бы какой-нибудь торговлей. Надоело ходить у них в поварах. Сочиняешь им обед из сапожной кожи да корешков, а потом они еще плеснут горячим супом тебе же в морду. У поваров теперь собачья жизнь. Лучше уж в строй, да черта с два, теперь ведь мир.

Появляется полковой священник. Он в своей прежней одежде.

Мы поговорим об этом после.

Полковой священник. Еще послужит, хотя немного и тронут молю.

Повар. По-моему, зря стараетесь. Места вы теперь не получите, кого вы будете теперь убеждать, что нужно честно служить и сложить голову в окопе? И вообще мне нужно будет с вами еще объясниться, поскольку вы посоветовали

Полковой священник (с жаром). А вам какое дело?

Повар. Это же бессовестно! Как вы смеете вмешиваться в чужие дела и

давать никому не нужные советы?

Полковой священник. Кто вмешивается в чужие дела?
(Мамаше Кураж.) Я не знал, что вы такая близкая приятельница этого господина и обязаны отчитываться перед ним.

Мамаша Кураж. Не волнуйтесь, повар высказал только свое личное мнение, а вы не можете отрицать, что ваша война -- это пустой номер.

Полковой священник. Грешно не радоваться миру, Кураж! Вы гиена, которая рыщет по полю боя.

Мамаша Кураж. Кто я?

Повар. Вы оскорбили мою приятельницу, и вам придется иметь дело со мной.

Полковой священник. С вами я не желаю говорить. У вас слишком прозрачные намерения. (Мамаше Кураж.) Но когда я вижу, что вы смотрите на мир, как на старый засморканный платок, который из брезгливости берут двумя пальцами -- большим и указательным, -- я по-человечески возмущаюсь; ведь я же вижу, что вы не хотите мира, что вам нужна война, потому что вы на ней наживаетесь. Но не забывайте старой пословицы: "Хочешь завтракать с чертом -- припасай длинную ложку!"

Мамаша Кураж. Я не люблю войны, и она меня не очень-то любит. Во всяком случае, я не позволю называть себя гиеной, между нами все кончено.

Полковой священник. Почему же вы жалуетесь на мир, когда все люди вздохнули? Из-за какого-то несчастного барахла в вашем фургоне?

Мамаша Кураж. Мой товар -- это не барахло, он меня кормит, и до сих пор он кормил вас.

Полковой священник. Значит, вас кормит война! Ага!

Повар (священнику). Вы взрослый человек, и нечего было вам лезть со своими советами. (Кураж.) Сейчас самое лучшее поскорее сбыть хотя бы часть,

пока цены еще не упали так, что дальше некуда.
Одевайтесь и действуйте,
нельзя терять ни минуты!

Мамаша Кураж. Вот это разумный совет. Кажется, я так и поступлю.

Полковой священник. Потому что это сказал повар!

Мамаша Кураж. А кто мешал вам это сказать? Он прав, самое лучшее -- пойти на рынок. (Скрывается в фургоне.)

Повар. Очко в мою пользу, священник. Вы не находчивы. Вам нужно было сказать: "Что, разве я давал вам совет? Я же просто рассуждал о политике!" Со мной вам лучше не тягаться. Петушинные бои вашему одеянию не подходят!

Полковой священник. Если вы не замолчите, я убью вас, подобает это мне или не подобает.

Повар (стягивая с себя сапоги и разматывая портянки). Если бы вы так безбожно не опустились, вы бы легко могли теперь, когда наступил мир, получить приход. Повара не будут нужны, варить нечего, а в бога верить все еще будут, тут ничего не изменилось.

Полковой священник. Господин Ламб, я прошу вас не выдворять меня отсюда. С тех пор как я опустился, я стал лучше как человек. Теперь я уже не смог бы читать проповеди.

Входит Иветта Потье, в черном платье, очень нарядная, с тростью. Она постарела, растолстела, густо напудрена. За ней слуга.

Иветта. Оля-ля, привет честной компании! Не фургон ли это мамы Кураж?

Полковой священник. Совершенно верно. С кем имеем удовольствие?

Иветта. С полковницей Штархемберг, люди добрые. Где Кураж?

Полковой священник (кричит в фургон). Вас хочет видеть полковница Штархемберг!

Голос мамы Кураж. Сейчас выйду!

Иветта. Я Иветта!

Голос мамыши Кураж. Ах, Иветта!

Иветта. Я только посмотреть, как вы живете!

Повар в ужасе отворачивается.

Питер!

Повар. Иветта!

Иветта. Вот так сюрприз! Как ты сюда попал?

Повар. На повозке.

Полковой священник. Ах, вы знакомы друг с другом? И близко?

Иветта. Пожалуй. (Она рассматривает повара.) Какой жирный!

Повар. Да и ты уже не из стройненьких.

Иветта. Все же хорошо, что я тебя встретила, босяк. Теперь я могу тебе сказать все, что я о тебе думаю.

Полковой священник. Пожалуйста, скажите все-все, только подождите, пока выйдет Кураж.

Мамаша Кураж (выходит, нагруженная товаром). Иветта!

Они обнимаются.

Почему ты в трауре?

Иветта. Что, разве мне не идет? Мой муж, полковник, умер несколько лет назад.

Мамаша Кураж. Тот самый старик, который чуть не купил мой фургон?

Иветта. Нет, его старший брат.

Мамаша Кураж. Тебе очень идет. Хоть один человек чего-то добился в войну.

Иветта. Всякое бывало: сначала хорошо, потом плохо, потом опять хорошо.

Мамаша Кураж. Не будем поминать лихом полковников, у них денег куры не клюют.

Полковой священник (повару). На вашем месте я бы снова обулся.

(Иветте.) Вы обещали сказать все, что вы думаете об этом господине, госпожа полковница.

Повар. Иветта, не склочничай здесь.

Мамаша Кураж. Это мой друг, Иветта.

Иветта. Это и есть Питер с трубкой.

Повар. Долой клички! Моя фамилия Ламб.

Мамаша Кураж (смеется). Питер с трубкой! От которого бабы с ума сходили! Знаете, я сохранила вашу трубку.

Полковой священник. И покуривала ее!

Иветта. Просто счастье, что я могу вас предостеречь. Это самый гнусный из всех, кто разгуливал по берегам Фландрии. Ему бы пальцев не хватило перечесть женщин, которых он сделал несчастными.

Повар. Это было давно. Теперь это уже дело прошлое.

Иветта. Встань, когда с тобой разговаривает дама! Как я любила этого человека! А у него тогда же была еще одна черненькая -- такая кривоногая, ее он, конечно, тоже сделал несчастной.

Повар. Ну, тебя-то я сделал скорее счастливой, как я погляжу.

Иветта. Замолчи, развалина несчастная! Берегитесь его, такой и дряхлый опасен!

Мамаша Кураж (Иветте). Пойдем со мной, мне нужно сбыть эти вещи, пока не упали цены. Может быть, ты сумеешь мне помочь в полку, у тебя связи.

(Кричит в фургон.) Катрин, церковь отменяется, я иду на рынок. Если тут придет Эйлиф, дайте ему выпить. (Уходит с Иветтой.)

Иветта (уходя). Подумать только, что из-за этого человека я когда-то сбилась с пути! Только благодаря счастливой звезде мне снова удалось подняться. Но что я положила конец твоим проделкам, это мне еще на том свете зачтется, Питер с трубкой.

Полковой священник. Основой для нашей беседы, по моему, может служить изречение: "Бог долго ждет, да больно бьет". А вы отказываете мне в остроумии!

Повар. Мне не везет. Сказать по правде, я рассчитывал на горячий обед. Я изголодался, а теперь они говорят про меня, и она получит обо мне неверное

представление. Думаю, что мне лучше исчезнуть до того, как она вернется.

Полковой священник. Я тоже так думаю.

Повар. Мир мне уже снова осточертел. Человечество должно погибнуть от огня и меча, оно с пеленок греховно. Хотел бы я сейчас жарить командующему -- бог его знает, где он теперь, -- жирного каплуна, а к каплуну бы горчичного соуса и немного моркови.

Полковой священник. Красной капусты. К каплуну -- красной капусты.

Повар. Это верно. Но он любил морковь.

Полковой священник. Ничего он не смыслил.

Повар. Вы жрали у него за обе щеки.

Полковой священник. С отвращением.

Повар. Все равно, признайте, что это были не такие уж плохие времена.

Полковой священник. Может быть, придется и признать.

Повар. После того как вы называли ее гниенной, здесь вам уже не дождаться лучших времен. Куда это вы уставились?

Полковой священник. Эйлиф!

Входит Эйлиф, за ним идут конвоиры. На Эйлифе наручники, он бледен как мел.

Что с тобой?

Эйлиф. Где мать?

Полковой священник. Ушла в город.

Эйлиф. Я слышал, что она здесь. Мне разрешили повидаться с ней.

Повар (солдатам). Куда вы его ведете?

Солдат. Лучше бы ему туда не идти.

Полковой священник. Что он сделал?

Солдат. Ворвался в дом к крестьянину. Хозяйка приказала долго жить.

Полковой священник. Как же ты мог сделать такое?

Эйлиф. Я и до этого ничего другого не делал.

Повар. Но сейчас мир.

Эйлиф. Замолчи. Можно мне посидеть, пока она придет?

Солдат. У нас нет времени.

Полковой священник. Во время войны его за это превозносили, он сидел по

правую руку от командующего. Тогда это считалось смелостью! Нельзя ли поговорить с профосом, ведь приговор от него зависит.

Солдат. Бесполезно. Отнять у крестьянина скотину -- какая же тут смелость?

Повар. Это была глупость!

Эйлиф. Если бы я был глупый, я давно бы умер с голоду, слышишь ты, умник дерьмовый.

Повар. А за то, что ты умный, у тебя слетит голова.

Полковой священник. Надо хоть Катрин позвать.

Эйлиф. Пускай себе сидит в фургоне! Дай лучше хлебнуть водки.

Солдат. Некогда, пошли!

Полковой священник. Что нам сказать твоей матери?

Эйлиф. Скажи ей, что ничего другого и не было, скажи ей, что так я и жил. Или лучше ничего не говори.

Солдаты подталкивают его.

Полковой священник. Я пойду с тобой, я не оставлю тебя одного на этом тяжелом пути.

Эйлиф. Попа мне не нужно.

Полковой священник. Этого ты еще не знаешь. *(Идет за ним.)*

Повар *(кричит им вслед)*. Мне придется ей рассказать, она захочет увидеть его!

Полковой священник. Лучше ничего не говорите. Разве только, что он был здесь и опять придет, может быть, завтра. Тем временем я вернусь и смогу ее подготовить. *(Поспешно уходит.)*

Повар глядит им вслед и качает головой, потом он начинает беспокойно шагать взад-вперед. Наконец он подходит к фургону.

Повар. Эгей! Не угодно ли выйти? Я понимаю, что вы спрятались от мира. Я бы тоже не прочь спрятаться. Я повар главнокомандующего, вы меня помните?

Не найдется ли у вас чего-нибудь перекусить в ожидании
вашей матушки? Я съел
бы, пожалуй, кусок сала или даже хлеба, только чтобы
время скоротать.
(Заглядывает в фургон.) Укрылась с головой.

Из глубины сцены доносится канонада.

Мамаша Кураж (вбегает запыхавшись, товар при ней).
Повар, мир опять уже
кончился! Уже три дня снова война. Я узнала это раньше,
чем успела спустить
товар. Слава богу! В городе -- перестрелка с лютеранами.
Нужно сматываться с
фургоном! Катрин, собирай вещи! Почему вы смутились? Что
случилось?

Повар. Ничего.

Мамаша Кураж. Нет, что-то неладно. Я вижу по лицу.

Повар. Это, наверно, оттого, что опять война.
Теперь мне, наверно, до
завтрашнего вечера не поесть горячего.

Мамаша Кураж. Врете, повар.

Повар. Здесь был Эйлиф. Но он очень торопился.

Мамаша Кураж. Эйлиф был здесь? Ну, мы его увидим
на марше. Теперь я
пойду с нашими. Как он выглядит?

Повар. Как всегда.

Мамаша Кураж. Он никогда не изменится. Уж его-то
войне не удалось у
меня отнять. Он не дурак. Вы не поможете мне собрать
вещи? (Принимается
укладывать товар.) Что он рассказывает? У него по-
прежнему хорошие отношения
с командующим? Он ничего не говорил о своих подвигах?

Повар (мрачно). Один из своих подвигов он, как я
понял, повторил.

Мамаша Кураж. Потом расскажете, пора двигаться.

Появляется Катрин.

Катрин, мира уже снова как не бывало. Мы уходим
отсюда. (Повару.) А вы
куда пойдёте?

Повар. Я завербуюсь в армию.

Мамаша Кураж. Я предлагаю вам... где священник?

Повар. Он пошел в город с Эйлифом.

Мамаша Кураж. Тогда проводите нас немного, Ламб. Мне нужна помощь.

Повар. История с Иветтой...

Мамаша Кураж. Она не повредила вам в моих глазах. Наоборот. Как говорится, где огонь, там и чад. Так что же, пойдете с нами?

Повар. Я не отказываюсь.

Мамаша Кураж. Двенадцатый уже выступил. Становитесь у дышла. Вот вам кусок хлеба. Мы тихонько пристроимся к лютеранам. Может быть, я еще сегодня вечером увижу Эйлифа. Он у меня любимчик. Был короткий мир, и вот уже опять пошло.

(Поет.)

Из Ульма в Мец, из Меца к чехам!
Из края в край, вперед, Кураж!
Война прокормит нас с успехом,
Коль ей свинец и ружья дашь.
Но лишь свинцом сыта не будет,
Одних лишь ружей мало ей:
Войне нужны вдобавок люди,
Она издохнет без людей!

Повар и Катрин впрягаются в фургон.

9

Уже шестнадцать лет длится великая война за веру. Германия лишилась доброй половины жителей. Уцелевшие после побоищ умирают от эпидемий. В землях, когда-то процветавших, теперь царит голод. По сожженным городам рыщут волки. Осенью 1634 года мы встречаем Кураж в Германии, в Сосновых горах, в стороне

от военной дороги, по которой движутся шведские войска. Зима в этом году ранняя и суровая. Дела идут плохо, приходится нищенствовать. Повар получает письмо из Утрехта, и ему дают отставку.

У полуразрушенного дома приходского священника. Хмурое утро в начале зимы. Резкий ветер. Мамаша Кураж и повар в старых овчинах примостились у фургона.

Повар. Еще темно, все спят.

Мамаша Кураж. Как-никак дом священника. Скоро звонить в колокол, придется ему покинуть перину. Ничего, его ждет горячий суп.

Повар. Какой там священник, мы же видели, что вся деревня дотла сгорела.

Мамаша Кураж. Нет, жители здесь есть, не зря собака лаяла.

Повар. Если у попа и есть что-нибудь, он все равно не даст.

Мамаша Кураж. Может быть, если споем...

Повар. Осточертело мне это пение. (Вдруг.) Я получил письмо из Утрехта, моя мать, пишут, умерла от холеры, трактир теперь мой. Вот письмо, если не веришь. Я дам тебе его прочесть, хотя тебя и не касается мазня тетки насчет моего образа жизни.

Мамаша Кураж (читает письмо). Ламб, мне тоже надоело скитаться. Я как та собака мясника, что разносит мясо покупателям, а сама его не ест. Мне нечем торговать, а людям нечем платить ни за что. В Саксонии один оборванец хотел всучить мне за два яйца сажень пергаментных книг, а в Вюртемберге за мешочек соли мне давали плуг. Зачем пахать? Вырастает только чертополох. Говорят, в Померании в деревнях съели уже всех младенцев, а монахины грабят людей на больших дорогах.

Повар. Все вымирает.

Мамаша Кураж. Иногда мне уже кажется, что я со своим фургоном разъезжаю по преисподней и торгую смолой или продаю на небесах закуски блуждающим душам. Если бы мне с детьми, что у меня остались, найти местечко, где не стреляют, я бы еще пожила спокойно несколько лет.

Повар. Мы могли бы открыть трактир. Подумай об этом, Анна. Я сегодня твердо решил, я подамся в Утрехт, с тобой или без тебя, и сегодня же.

Мамаша Кураж. Мне нужно поговорить с Катрин. Очень уж все скоропалительно, мне трудно решать не согревшись и на пустой желудок. Катрин!

Катрин вылезает из фургона.

Катрин, я должна тебе кое-что сообщить. Мы с поваром собираемся в Утрехт. Он там получил в наследство трактир. Ты жила бы на одном месте и завела знакомства. Оседлый человек уже вызывает уважение, внешность -- это еще не все. Я тоже за такое решение. С поваром мы уживаемся. Должна сказать, что он знает толк в делах. Кормежкой мы были бы обеспечены, плохо ли? У тебя была бы своя койка, тебя бы это устроило, правда? Нельзя всегда жить на улице! Так ведь и опуститься можно. Ты уже вся обовшивела. Нам нужно решиться, мы пошли бы со шведами на север, они, наверно, там. *(Показывает налево.)* Я думаю, мы решимся, Катрин.

Повар. Анна, мне нужно сказать тебе два слова наедине.

Мамаша Кураж. Полезай в фургон, Катрин.

Катрин лезет в фургон.

Повар. Я прервал тебя, я вижу, ты меня не поняла. Я думал, об этом не

стоит и говорить, и так, мол, ясно. Но если нет, то я скажу: не может быть и речи о том, чтобы брать ее с собой. Я думаю, ты меня понимаешь.

Катрин за их спиной высовывает голову из фургона и слушает.

Мамаша Кураж. Ты считаешь, что я должна оставить Катрин?

Повар. А как ты думаешь? В трактире нет места. Это тебе не трактир на три зала. Если мы поднатужимся, то мы вдвоем еще прокормимся, но не втроем, втроем никак не выйдет. Фургон пусть останется Катрин.

Мамаша Кураж. Я думала, в Утрехте она найдет себе мужа.

Повар. Не смеди меня! Где такая найдет мужа? Немая и шрам вдобавок! И в летах уже.

Мамаша Кураж. Говори тише!

Повар. Громче или тише, а что правда, то правда. И это тоже причина, по которой я не могу ее держать в трактире. Гостям неприятно, когда перед их глазами торчит урод. И нельзя на них за это обижаться.

Мамаша Кураж. Замолчи. Говорю тебе, не надо так громко.

Повар. В доме священника зажегся свет. Давай споем.

Мамаша Кураж. Повар, как же она одна пойдет с фургоном? Она боится войны. Она ее не переносит. Какие у нее, наверно, страшные сны! Я слышу, как она стонет по ночам. Особенно после боев. Не знаю, что она видит во сне. Она страдает от сострадания. Недавно я нашла у нее ежа, которого мы переехали. Оказывается, она его спрятала.

Повар. Трактир слишком мал. (Кричит.) Эй, уважаемый хозяин, слуги и домочадцы! Мы споем вам песню о Соломоне, Юлии Цезаре и других великих мужах, которым их блестящий ум не пошел на пользу. И тогда вы поймете, что мы тоже люди порядочные и поэтому нам нелегко живется, особенно зимой.

(Поет.)

Знаком вам мудрый Соломон,
Конец его знаком?
Он день рожденья своего
Назвал своим несчастным днем.
Он говорил, что ничего
Нет в мире, суета одна.
Был Соломон мудрец большой,
И вам теперь мораль ясна:
Мудрость концу его виной!
Блажен, кому чужда она.

Все добродетели опасны в этом мире, как
доказывает наша прекрасная
песня, лучше их не иметь и вести приятную жизнь и иметь
на завтрак, скажем,
горячий суп. У меня, например, нет горячего супа, а
я бы от него не
отказался, я солдат, но какой мне толк от того, что я
был смел в бою?
Никакого, я голодаю. Лучше бы я наложил в штаны и остался
дома. А почему?

И Цезаря плохой конец
О многом говорит.
Был Юлий Цезарь храбр и смел,
И вот, смотрите, он убит.
Он высшей власти захотел,
И он вкусил ее сполна.
"И ты, мой сын", -- вскричал герой.
Ну что ж, теперь мораль ясна:
Смелость концу его виной!
Блажен, кому чужда она.

(Вполголоса.) Хоть бы нос высунули. (Громко.) Эй,
уважаемый хозяин,
слуги и домочадцы! Может быть, вы возразите, что не
храбрость кормит
человека, а честность? Может быть, вы хотите сказать,
что честный человек
сыт или хотя бы не вполне трезв? Посмотрим, как обстоит
дело с честностью.

Знаком вам древний грек Сократ?
Не лгал он никогда.

Он всех честней был во сто крат,
Но ведь и с ним стряслась беда.
Ему велели выпить яд,
И чашу выпил он до дна.
Таков был приговор людской,
И вам теперь мораль ясна:
Честность концу его виной!
Блажен, кому чужда она.

Теперь мне скажут, что нужно быть кротким и
самоотверженным, что нужно
делиться с ближним, ну, а что, если нечем делиться? Быть
благодетелем, может
быть, тоже не так легко, с этим приходится считаться,
ведь самому тоже
что-то нужно. Да, самоотверженность -- это редкая
добродетель, редкая
потому, что она не окупается.

Святой Мартин беде чужой
Всегда был рад помочь.
Он поделился с бедняком
Своим единственным плащом,
Замерзли оба в ту же ночь.
Его душа была полна
Любви великой, неземной,
И вам теперь мораль ясна:
Кротость концу его виной!
Блажен, кому чужда она!

Так же обстоит дело и с нами! Мы порядочные люди,
держимся друг за
друга, не крадем, не убиваем, не поджигаем! И можно
сказать, что мы
опускаемся все ниже и ниже, и наша судьба подтверждает
нашу песню, и суп у
нас редко бывает, а если бы мы были другими, грабили и
убивали, может быть,
мы были бы сыты! Добродетели не вознаграждаются,
вознаграждаются только
пороки, таков мир, и лучше бы он не был таким!

Мы десять заповедей чтим,
Боимся бога мы.
Но это нам не помогло,
Нужны нам пища и тепло,

Мы докатились до сумы.
Мы нищи, помощь нам нужна,
И путь наш -- крестный путь сплошной.
Ну что ж, теперь мораль ясна:
Богобоязнь всему виной!
Блажен, кому чужда она!

Голос (сверху). Эй вы! Поднимайтесь сюда! Похлебкой покормим.

Мамаша Кураж. Ламб, мне сейчас еда в горло не пойдет. Я не говорю, что ты сказал вздор, но неужели это твое последнее слово?

Повар. Последнее. Подумай.

Мамаша Кураж. Мне не нужно думать. Я ее здесь не оставлю.

Повар. Поступишь глупо, но я ничего не могу поделывать. Я не зверь, но трактир маленький. А теперь давай поднимемся, а то и здесь ничего не получим, и выйдет, что мы даром пели на холоде.

Мамаша Кураж. Я позову Катрин.

Повар. Лучше захвати ей что-нибудь оттуда. Если мы нагреем втроем, они же испугаются.

Оба уходят.

Из фургона с узелком в руке вылезает Катрин. Она оглядывается, смотрит, ушли ли они. Затем она вешает на колесо фургона старые штаны повара и юбку матери. Повесив их рядом, на видном месте, она хочет уйти со своим узелком.

В это время возвращается мамаша Кураж.

Мамаша Кураж (с тарелкой супа). Катрин! Стой! Катрин! Куда это ты собралась с узелком? Ты что, в своем уме? (Развязывает, узелок.) Она собрала свои вещи! Ты что, подслушивала? Я ему сказала, что плевать мне на Утрехт, на его паршивый трактир, что мы там потеряли? Ты и я -- мы не годимся для трактира. На войне для нас еще найдутся дела. (Увидела штаны и юбку.) Глупая

ты. А если бы я это увидела, а тебя бы уже не было?
(Держит Катрин, которая
вырывается из ее рук.) Не думай, что я дала ему отставку
из-за тебя. Из-за
фургона, вот из-за чего. Я не разлучусь с фургоном, к
которому я привыкла,
из-за фургона я и ушла от него, не из-за тебя. Мы пойдем
в другую сторону, а
повару мы выложим его вещи, пусть он их найдет, чудак
человек. (Взбирается
на фургон и бросает еще несколько предметов в то место,
куда брошены штаны.)
Ну вот, он вышел из нашего дела, а больше я никого в
него не приму. Потянем
дальше вдвоем. Ничего, и этой зиме тоже настанет конец.
Впрягайся, а то еще
пойдет снег.

Обе впрягаются в фургон, поворачивают его и увозят.
Возвращается повар
и озадаченно смотрит на свои вещи.

10

Весь 1635 год мамаша Кураж и ее дочь Катрин
проводят на дорогах Центральной
Германии, следуя за все более и более оборванным войском.

Дорога. Мамаша Кураж и Катрин тянут фургон.
Они проходят мимо
крестьянского дома, в котором кто-то поет.

Голос

Мы розы посадили
На самом на виду.
И розы расцветают
И нас вознаграждают
За то, что землю рыли.

Как хорошо сидеть в саду,
Где розы расцветают!
Но вот зима настала.
Метет по всей земле.
А нам и горя мало
За толстыми стенами,
Да с жаркими дровами
Как хорошо сидеть в тепле,
Когда зима настала.

Мамаша Кураж и Катрин останавливаются и слушают.
Потом они продолжают
свой путь.

11

Январь 1636 года. Императорские войска угрожают протестантскому городу Галле. Камень заговорил. Мамаша Кураж теряет дочь, и одна продолжает свой путь. До конца войны еще далеко.

Ободранный фургон стоит возле крестьянского дома с огромной соломенной крышей. Ночь.

Из роши выходят прапорщик и три солдата в тяжелых латах.

Прапорщик. Только чтобы не было шума. Если кто крикнет, ткните его копьём.

Первый солдат. Но ведь придется к ним постучать, чтобы взять проводника.

Прапорщик. Что ж, стук -- это естественный шум. Подумают, что корова трется о стенку хлева.

Солдаты стучатся в дом. Дверь открывает крестьянка.
Они зажимают ей рот.
Два солдата входят в дом.

Мужской голос внутри дома. Что такое!

Солдаты выводят из дома крестьянина и его сына.

Прапорщик (*кивнув в сторону фургона, в котором
показалась Катрин*). Вот
еще одна.

Солдат вытаскивает Катрин.

Это все, кто здесь живет?

Крестьяне. Это наш сын. А это немая... Ее мать
пошла в город покупать
товар... Для своей лавки... Потому что многие сейчас
оттуда бегут и все
отдают за бесценок... Это люди кочевые, маркитанты.

Прапорщик. Предупреждаю вас, сидите тихо, кто
пикнет -- получит копьем
по башке. Один из вас покажет нам тропу в город.
(*Указывает на молодого
крестьянина.*) Эй ты, пойдика сюда!

Молодой крестьянин. Я не знаю тропы.

Второй солдат (*ужмыляясь*). Он не знает тропы.

Молодой крестьянин. Я не стану служить католикам.

Прапорщик (*второму солдату*). Ткни его копьем в бок!

Молодой крестьянин (*его поставили на колени, ему
угрожают копьем*).

Убейте меня, не стану.

Первый солдат. Сейчас мы с ним договоримся.

(*Подходит к хлеву.*) Две
коровы и вол. Так вот, если ты не образумишься, я зарублю
скотину.

Молодой крестьянин. Только не скотину.

Крестьянка (*плача*). Господин капитан, не трогайте
нашу скотину, мы же
умрем с голоду.

Прапорщик. Пропала ваша скотина, если он будет
упрямиться.

Первый солдат. Я начну с вола.

Молодой крестьянин (*старому*). Согласиться?

Крестьянка кивает.

Так и быть.

Крестьянка. Спасибо, господин капитан, что вы пощадили нас, во веки веков, аминь.

Крестьянин удерживает ее от дальнейших изъявлений благодарности.

Первый солдат. Я же сразу понял, что вол им дороже всего на свете!

Молодой крестьянин уходит с прапорщиком и солдатами.

Крестьянин. Хотел бы я знать, что они задумали. Ничего хорошего.

Крестьянка. Может, это просто разведчики... Что это ты?

Крестьянин *(взбираясь по лестнице, которую он приставил к крыше)*. Посмотреть, одни ли они тут. *(С крыши.)* В роще что-то шевелится. И дальше до самой каменоломни. И на просеке -- солдаты в кольчугах. И пушка вон. Да там побольше полка будет. Господи, смилуйся над городом и над всеми, кто в нем остался.

Крестьянка. А свет горит в городе?

Крестьянин. Темным-темно. Спят себе. *(Спускается.)* Если они войдут в город, они всех перережут.

Крестьянка. Сторожевой пост их заметит.

Крестьянин. Часовых в башне на косогоре они, наверно, прикончили, а то бы те затрубили в рог.

Крестьянка. Если бы нас было побольше.

Крестьянин. А нас только двое, да вот увечная еще...

Крестьянка. Ничего, думаешь, не сможем сделать...

Крестьянин. Ничего.

Крестьянка. Нам ночью туда не спуститься.

Крестьянин. Внизу у косогора их полно. Мы не можем даже дать знак.

Крестьянка. Что ты, они и нас прикончат.

Крестьянин. Да, ничего нам не сделать.
Крестьянка (Катрин). Молись, бедная тварь, молись!
Никак нам их не
спасти от резни. Говорить не можешь, так хоть молись.
Никто тебя не слышит,
а он услышит. Я тебе помогу.

Все становятся на колени, Катрин -- позади крестьян.

Крестьянка. Отче наш, иже еси на небесех, услышь
молитву нашу, не дай
погибнуть городу, не губи тех, кто сейчас там спит и
ничего не ведает.
Разбуди их, пусть встанут они, пусть влезут на стену,
пусть увидят солдат,
что идут на них среди ночи с копьями и пушками,
спускаются с косогора,
крадучись по лугам. (Обернувшись к Катрин.) Защити нашу
мать, сделай так,
чтобы караульный не спал, пробудился, а то будет
поздно. И зятю нашему
помоги, он там с четырьмя детьми, не дай им
погибнуть, они невинные, они
ничего не понимают. (Катрин, которая стонет.) Одному
нет еще двух, а
старшенькой семь.

Катрин встает, она потрясена.

Отче наш, услышь нас, только ты и можешь помочь, нам
недолго погибнуть,
мы люди слабые, у нас нет ни пик, ни копий, и нет у
нас смелости, мы во
власти твоей, и весь наш скот, и все хозяйство наше; вот
так же и город, он
тоже во власти твоей, и враги подошли к нему силой
несметной.

Катрин незаметно проскользнула к фургону, что-то
достала из него,
спрятала под передник и взобралась по лестнице на крышу.

Не оставь деток, наипаче малых, в беде, и
стариков беспомощных, и
всякую тварь живую.

Крестьянин. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.
Аминь.

Катрин, сидя на крыше, начинает бить в барабан, который был спрятан у нее под передником.

Крестьянка. Иисусе, что она делает? Крестьянин. Она с ума сошла.
Крестьянка. Стащи ее вниз, быстро!

Крестьянин бежит к лестнице, но Катрин поднимает ее на крышу.

Она нас погубит.

Крестьянин. Сейчас же перестань барабанить, уродина чертова!

Крестьянка. Католики придут сюда!

Крестьянин (ищет камни). Я забросаю тебя камнями!

Крестьянка. Неужели у тебя нет сердца? Неужели не сжалишься? Если они придут, мы пропали! Они нас перережут.

Катрин, не отрываясь, смотрит вдаль, в сторону города, и продолжает барабанить.

(Старику.) Я тебе сразу сказала, не пускай этих бродяг во двор. Им-то что, если у нас последнюю скотину уведут.

Вбегают прапорщик с солдатами и молодым крестьянином.

Прапорщик. Изрублю на куски!

Крестьянка. Господин офицер, мы не виноваты, мы ничего не можем сделать. Мы не заметили, как она туда залезла. Она чужая.

Прапорщик. Где лестница? Крестьянин. На крыше.

Прапорщик (задрав голову). Приказываю тебе, сейчас же брось сюда барабан!

Катрин продолжает барабанить.

Вы все заодно. Теперь вам не жить.

Крестьянин. В лесу валили сосны. Если принести бревно и столкнуть ее оттуда...

Первый солдат (прапорщику). Разрешите мне обратиться с предложением?

(Что-то шепчет на ухо прапорщику. Тот кивает в знак согласия.) Эй, ты, предлагаем тебе договориться по-хорошему. Слезай, и пойдешь с нами в город, будешь идти впереди нас. Покажешь нам свою мать, и мы ее не тронем.

Катрин продолжает барабанить.

Прапорщик (грубо отталкивает солдата). Она тебе не верит, еще бы, с твоей мордой... (Кричит Катрин.) А моему слову поверишь? Я офицер, я знаю, что такое честное слово.

Катрин барабанит сильнее.

Для нее нет ничего святого.

Молодой крестьянин. Господин офицер, она делает это не только ради матери!

Первый солдат. Нельзя больше терять время. В городе услышат.

Прапорщик. Надо создать какой-нибудь шум, погромче, чем ее барабан. Чем бы создать шум?

Первый солдат. Ведь нам же нельзя производить шума.

Прапорщик. Невинный шум, балда. Не военный.

Крестьянин. Я могу топором колоть дрова.

Прапорщик. Давай.

Крестьянин приносит топор и начинает рубить бревно.

Чаще давай! Чаще! Дело идет о твоей жизни!

Катрин прислушивалась и в это время барабанила тише. Беспokoйно оглядываясь, она колотит теперь в барабан с прежней силой.

(Крестьянину.) Не годится, слабо. *(Первому солдату.)*
Ты тоже руби.

Крестьянин. У меня только один топор. *(Перестает рубить.)*

Прапорщик. Надо поджечь дом. Надо ее выкурить.

Крестьянин. Не поможет, господин капитан. Если в городе увидят огонь, им все будет ясно.

Катрин опять прислушивалась, продолжая барабанить. Теперь она смеется.

Прапорщик. Смотри, она смеется над нами... Я не выдержу. Я пристрелю ее, и пусть все идет к чертям. Принесите ружье!

Два солдата убегают. Катрин продолжает барабанить.

Крестьянка. Я придумала, господин начальник! Вон их фургон. Если мы его разнесем, она перестанет. У них нет ничего, кроме фургона.

Прапорщик *(молодому крестьянину)*. Разнеси его в щепки. *(Катрин.)* Мы разнесем твою повозку, если ты не перестанешь.

Молодой крестьянин делает несколько слабых ударов по фургону.

Крестьянка. Перестань, скотина!

Глядя с отчаянием на фургон, Катрин издает жалобные звуки, но продолжает барабанить.

Прапорщик. Где эти гады с ружьем?

Первый солдат. В городе, наверно, еще не услышали, а то бы их орудие уже ударило.

Прапорщик *(Катрин)*. Они тебя не слышат. А сейчас мы тебя пристрелим.

Последний раз говорю. Брось барабан!

Молодой крестьянин *(внезапно бросает доску)*. Бей в барабан, бей! Не то все погибнут! Бей, бей...

Солдат валит его на землю и ударяет копьем.
Катрин плачет, но
продолжает барабанить.

Крестьянка. Не бейте его в спину! Боже мой, вы
убьете его!

Вбегают солдаты с тяжелым ружьем.

Второй солдат. Прапорщик, полковник рвет и мечет.
Нас будет судить,
полевой суд.

Прапорщик. Ставь! Ставь!

Солдаты ставят ружье на сошку.

(Кричит Катрин.) Последний раз: перестань
барабанить!

Плача, Катрин барабанит изо всех сил.

Огонь!

Солдаты стреляют. Катрин делает еще несколько ударов
и медленно падает.

Вот шума и нет!

Но вслед за последними ударами Катрин раздаётся
грохот городских пушек.
Издали доносится беспорядочный звон набата и канонада.

Первый солдат. Она своего добилась.

Рассвет. Слышен барабанный бой и свист, под который шагают удаляющиеся колонны.

Мамаша Кураж сидит на корточках возле дочери перед фургоном. Крестьяне стоят рядом.

Крестьяне. Вам нужно двигаться, сударыня. Сейчас пройдет последний полк. Одной вам идти нельзя.

Мамаша Кураж. Может, она уснет. (Поет.)

Шелестит солома.
Баю, баю, бай.

Соседские дети

Хнычут пускай.
Соседские -- в лохмотьях,
В шелку -- моя.
Ей платье ангелочка
Перешила я.
У соседских корка,
У нас -- пирожок.
Если не по вкусу,
Скажи, дружок.

Баю, баю, баю,

Спи, детеныш мой.
Один остался в Польше,
Где-то другой?

Не надо было вам говорить ей о детях вашего зятя.

Крестьянин. Если бы вы не пошли в город, чтобы нагреть руки, может, ничего бы и не было.

Мамаша Кураж. Теперь она спит.

Крестьянка. Она не спит, поймите, она неживая.

Крестьянин. И вам уже пора бы уйти. По дорогам рыщут волки и, хуже того, мародеры.

Мамаша Кураж (встает). Да. (Достает из фургона кусок парусины, чтобы

прикрыть труп.)

Крестьянка. У вас больше никого нет? К кому бы вы могли пойти?

Мамаша Кураж. Есть. Эйлиф.

Крестьянин *(в то время как мамаша Кураж прикрывает труп)*. Надо вам его разыскать. Об этой уж мы позаботимся, мы похороним ее как следует. Можете не беспокоиться.

Мамаша Кураж. Вот вам деньги на расходы.
(Отсчитывает деньги и дает их крестьянину.)

Крестьянин и его сын пожинают ей руку и уносят Катрин. Крестьянка тоже пожимает ей руку с поклоном.

Крестьянка *(уходя)*. Торопитесь!

Мамаша Кураж *(впрягается в фургон)*. Надеюсь, и одна справлюсь с фургоном. Ничего, вытяну, вещей в нем немного. Надо опять за торговлю браться.

Со свистом и барабанным боем проходит еще один полк.

(Трогает с места.) Эй, возьмите меня с собой!

Из глубины сцены доносится пенье.

Война удачей переменной
Сто лет продержится вполне,
Хоть человек обыкновенный
Не видит радости в войне:
Он жрет дерьмо, одет он худо,
Он палачам своим смешон.
Но он надеется на чудо,
Пока поход не завершен.
Эй, христиане, тает лед!
Спят мертвецы в могильной мгле.
Вставайте, всем пора в поход,
Кто жив и дышит на земле!

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

(Илья Фрадкин)

Пьеса была написана в Швеции осенью 1939 года, в дни, непосредственно предшествовавшие возникновению войны в Европе. Впоследствии Брехт признавался: "Когда я писал, мне представлялось, что со сцен нескольких больших городов прозвучит предупреждение драматурга, предупреждение о том, что кто хочет завтракать с чертом, должен запастись длинной ложкой. Может быть, я проявил при этом наивность, но я не считаю, что быть наивным -- стыдно. Спектакли, о которых я мечтал, не состоялись. Писатели не могут писать с такой быстротой, с какой правительства развязывают войны: ведь чтобы сочинять, надо думать. Театры слишком скоро попали во власть крупных разбойников. "Мамаша Кураж и ее дети" -- опоздала" (цит. по статье: *Hanz Bunge, Brecht im zweiten Weltkrieg. - "Neue Deutsche Literatur, 1962, No 3, - S. 46--47).*

Литературным источником пьесы была повесть немецкого писателя времен Тридцатилетней войны Ганса Якоба Кристофеля фон Гриммельстауэна "Подробное и удивительное жизнеописание отъявленной обманщицы и бродяги Кураж". Эта повесть вместе с двумя другими повестями и знаменитым романом Гриммельстауэна о Симплициссимусе входит в цикл так называемых "Симплицианских сочинений". Однако, почерпнув у Гриммельстауэна некоторые импульсы (Тридцатилетнюю войну как исторический фон для действия, образ маркитантки по имени Кураж и пр.), Брехт написал пьесу по сюжету и проблематике вполне самостоятельную, почти никак не связанную с повестью писателя XVII века.

Брехт неоднократно высказывался о "Мамаше Кураж", комментировал спорные или вызывающие различные толкования места, подчеркивал то, что считал главным и важным, составил "модель", то есть полное описание поставленного им спектакля -- мизансцена за мизансценой (часть этих материалов см. в кн.: *Бертольт Брехт, Театр, т. 5/1, "Искусство", М. 1965, стр. 382-449).*

В пьесе чрезвычайно велика роль сонгов. "Мамаша Кураж и ее дети" -- один из наиболее совершенных в драматургии Брехта примеров сочетания сценического действия, диалога и сонгов, при котором последние образуют органически необходимый элемент художественного целого. Сонги очуждают действие, комментируют его, проливают дополнительный свет на характеры персонажей, иногда даже, как справедливо заметил один критик, являются "ключом к основной драматической концепции пьесы". Так, например, песня Кураж проходит сквозной нитью через всю пьесу. Ее первые строфы исполняются в самом начале, когда Кураж на вопрос фельдфебеля: "Вы что за народ?" -- отвечает: "Народ торговый". За этой репликой следует сонг, с помощью которого маркитантка представляется публике, как в более поздние века люди более высокого общественного положения делали это с помощью визитной карточки. Следующие строфы исполняются в седьмой картине, звучит эта песня и в финале. В этом сквозном сонге выражен лейтмотив всей темы Кураж: война и торговля, война -- источник коммерции.

Особое значение имеет сонг о великих людях. В нем сходятся все основные мотивы, в некоторых строфах этой песни слышатся пародийно-иронические интонации, что, однако, не нарушает того горького и глубоко серьезного смысла, который в них заложен. "Мудрость" ведет Кураж к таким же печальным

Бертольт Брехт

"Мамаша Кураж и ее дети"

итогам, к каким она привела царя Соломона. Храбрость была причиной смерти Эйлифа (равно как и Цезаря). Швейцеркас погиб, подобно Сократу, от честности. Немую Катрин ждет смерть, как святого Мартина, -- от самоотверженности... Не в добродетелях ли источник зла в жизни человеческой? Но этот упрощенный вывод, казалось бы, вытекающий из сонга, корректируется обстоятельствами сценического действия, ибо в то самое время, когда Кураж вместе с поваром поет эту песню, она принимает трудное, но доброе решение: отклонить предложение повара и остаться с Катрин. Кураж отлично осознает все выгоды сделанного предложения и все тяжелые последствия отказа от него, но человечность берет в ней верх. Следовательно, мало сказать: добро губительно! -- следует одновременно признать: добро человечно, оно присуще человеческой природе! И если оно губит человека, то зло не в нем, а в тех обстоятельствах жизни, которые превращают его из блага в орудие гибели. Именно такова та сложная диалектика художественной мысли драматурга, которая вытекает из сопоставления, из взаимного комментирования сонга и сценического действия.

Премьера пьесы состоялась в Цюрихе (Швейцария) в театре "Шаушпильхауз" 19 апреля 1941 года. Режиссером спектакля был Линдберг, художником Тео Отто, главную роль исполняла Тереза Гизе, а в роли Эйлифа выступал актер и известный писатель-антифашист (автор книги "Болотные солдаты") Вольфганг Лангхоф. Спектакль имел большой успех, но некоторые для Брехта принципиально важные акценты в идейной концепции пьесы были не совсем правильно поняты режиссером и критикой, что побудило автора несколько переработать первоначальный текст и создать новые редакции первой и пятой картин. Эта исправленная редакция пьесы легла в основу всех немецких ее изданий, а также русских переводов. Кроме печатаемого в настоящем издании и издававшегося еще прежде перевода С. Апта, имеется также перевод Б. Заходера и В. Розанова (см.: Бертольт Брехт, Театр, т. 3, "Искусство", М. 1964).

Совершенно особое значение в истории мирового театра имела постановка "Мамаша Кураж" в Берлине в Немецком театре имени Макса Рейнгардта, состоявшаяся 11 января 1949 года. Режиссеры -- Б. Брехт и Эрих Энгель. художники -- Тео Отто и Г. Клиньгер, композитор -- Пауль Дессау. Роли исполняли: Кураж -- Елена Вайгель, Эйлифа -- Эрнст Калер, Катрин -- Ангелика Хурвиц, повара -- Пауль Бильдт, Иветты -- Рената Кейт, священника -- Вернер Хинц. Этот спектакль приобрел всемирную славу, и на его основе несколько позднее возник театр Брехта "Берлинский ансамбль", с этим спектаклем "Берлинский ансамбль" гастролировал в крупнейших театральных столицах мира. О спектакле имеется огромная литература на многих языках.

Стр. 443. Главнокомандующий Оксеншерна Аксель (1583--1654) -- шведский полководец и государственный деятель.

Стр. 455. Песня о солдате и бабе. -- Первый вариант этой песни был создан на рубеже 10--20-х годов и входил в состав сборника "Домашние проповеди". Текст, включенный в пьесу "Мамаша Кураж", несколько отличается от ранней редакции.

Стр. 461. Император всех угнетал... -- Имеется в виду император Священной римской империи Матвей.

Король. -- То есть шведский король Густав II Адольф.